

Книга редкая

Сгорела во врем
пожара (как
сообщают
библиографичес
указатели).

Первое издание.

СТИХОТВОРЕНІЯ

В. И. КРАСОВА.

ИЗДАНІЕ

П. ШЕЙНА.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К°.
1859.

Печатать позволяется.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 28 февраля 1809 г.

Цензоръ *А. Драшусовъ.*

ДРУЗЬЯМЪ

покойнаго поэта

ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА

КРАСОВА

УСЕРДНО ПОСВЯЩАЕТЪ

изданіе его стихотвореній

Павелъ Шейнъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

—

При настоящемъ стремленіи нашей литературы собирать, короче узнавать все, чѣмъ умственно жило и интересовалось образованное русское общество въ далекомъ, какъ и въ близкомъ прошедшемъ, думаю, что не излишнимъ будетъ и предлагаемое собраніе стихотвореній. Они въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ печатались въ лучшихъ журналахъ того времени, на ряду съ стихотвореніями Лермонтова, Огарева и Кольцова; многія изъ нихъ съ увлеченіемъ читались, перечитывались, заучивались наизусть просвѣщеннѣйшими современниками покойнаго поэта, у которыхъ они до

сихъ поръ сохранились въ памяти. Изъ-за нихъ чуть было не поссорились два лучшіе журнала (см. приложенія), Бѣлинскій не разъ съ особеннымъ удовольствіемъ приводилъ нѣкоторыя изъ нихъ въ своихъ критикахъ. Все это, кажется, даетъ имъ право на существованіе болѣе прочное, чѣмъ въ летучихъ, разрозненныхъ листахъ журнала. Разумѣется не всѣ піесы въ этомъ собраніи одинаковаго достоинства, иныя изъ нихъ даже довольно слабы, но я никакъ не могъ рѣшиться навязывать просвѣщенной публикѣ свой личный вкусъ и дѣлать выборъ изъ того, что ужь было напечатано. И потому, по совѣту людей опытныхъ въ дѣлѣ литературномъ, печатаю всѣ стихотворенія, собранныя изъ журналовъ, расположивъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Образованный вкусъ читателя самъ, безъ указанія, найдетъ лучшія изъ нихъ, а для исторической критики всѣ піесы безъ исключенія, даже слабыя, очень важны и даже необходимы для того, чтобъ вѣрно прослѣдить постепенное развитіе поэта.

Въ концѣ книги я приложилъ десять стихотвореній, никогда не бывшихъ въ печати (исключая: «Съ дарами чаша предо мной сіяла», которое напечатано недавно въ «Развлеченіи»). Матеріаломъ для настоящаго изданія послужили журналы, обозначенные въ оглавленіи, да еще рукописная тетрадь поэта, доставленная мнѣ его родственникомъ В. А. Глаголевскимъ.

Пріятнымъ долгомъ считаю, передъ лицомъ публики, принести здѣсь мою искреннюю благодарность М. Н. Лонгинову, такъ радушно помогавшему мнѣ словомъ и дѣломъ при этомъ предпринятіи. Съ рѣдкой готовностію служить всякому литературному дѣлу, по первой моей просьбѣ, пересмотрѣлъ онъ всѣ журналы и альманахи, гдѣ только можно было предполагать стихи В. И. Красова, и доставилъ мнѣ двадцать большихъ піесъ съ библіографическими отмѣтками. Также приношу мою сердечную благодарность Ѳ. Б. Миллеру, постоянно ободрявшему меня къ этому изданію, въ которомъ онъ оказалъ мнѣ не малую помощь.

Сожалѣю, что нѣкоторыя обстоятельства не

позволили мнѣ приложить къ этимъ стихотвореніямъ біографическаго очерка поэта. Почту себя вполнѣ счастливымъ, если изданіе окажется не совсѣмъ безполезнымъ въ русской литературѣ.

Какъ я исполнилъ свою задачу — судить не мнѣ.

Москва
1859.

П. Ш.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

*) Въ рукописной тетради подписанъ 1834 г.

СТИХОТВОРЕНІЯ НЕИЗДАННЫЯ.

I.

1832 — 1840.

I.

КУЛИКОВО ПОЛЕ.

(Посвящено Н. В. Станкевичу.)

—

Есть поле побѣды, широкое поле!
Тамъ вѣтеръ пустынный гуляетъ по волѣ!
На полѣ курганы — гробницы костей:
То грозное дѣло булатныхъ мечей!
Давно тамъ замолкли и крикъ и удары,
И высохли бѣлыя кости бойцовъ.
Здѣсь Русскою силой разбиты Татары,
И здѣсь ихъ обитель — рядъ темныхъ холмовъ!
Здѣсь геній Россіи, съ улыбкой презрѣнья,
Съ высокихъ гробовъ, на вселенну взиралъ.
Онъ кругъ необъятный жезломъ начерталъ:
То грани Россіи, то наши владѣнья!

Такъ это здѣсь — побоище Мамая,
Побоище рѣшительной борьбы,

Игра кровавая таинственной судьбы,
Спасеніе отеческаго края! —
О поле славное, покой тебѣ, покой!
Не мало на тебѣ гостей отпировало,
Не мало ты, широкое, стонало:
О поле славное, покой тебѣ, покой! —
Вотъ съ той страны, какъ туча, набѣжала
Неутомимая жестокая Орда;
Здѣсь Русскихъ рать отмщеніемъ пылала
И вѣковыхъ оковъ и Русскаго стыда!
Тамъ смуглые бойцы — станицы кочевыя —
Ихъ взоры дикіе, а чела, какъ туманъ;
Здѣсь цвѣтъ Славянъ, краса полночныхъ странъ;
И кудри русые, и очи голубыя!

Туманна ночь послѣдняя была:
Два стана спятъ, безмолвные въ покоѣ.
За утра шумъ—и тамъ въ кровавомъ боѣ
Судьба свершитъ великія дѣла!
Вотъ всѣ бойцы безпечно засыпаютъ!
Но ночь страшна: то слышенъ крикъ орловъ,
То въ тысячу ужасныхъ голосовъ
Стада волковъ протяжно завываютъ.

И онъ вскипѣлъ, вскипѣлъ упорный бой;
Сразилися тиранство и свобода;
И ты любовь Россійскаго народа,
Носился здѣсь, воинственный Донской!

Ты здѣсь леталъ, виновникъ ополченья,
Для милой родины, при заревѣ сраженья!
Для родины! Прекрасенъ твой удѣлъ,
Благословенъ твой подвигъ незабвенной
Для родины несчастной, угнѣтенной!
Хвала тебѣ! прекрасенъ твой удѣлъ!

И вотъ бѣгутъ разбитые Татары,
Перуны сыплются отъ Русскаго плеча:
Вновь крики Русскіе, какъ звонкіе удары
Завѣтнаго Славянскаго меча!
Теперь молчитъ, молчитъ побѣды поле....
И я здѣсь былъ, и я благоговѣлъ!...
. . . .
. . . .

II.

КЪ УРАЛУ.

—

Уралъ, Уралъ,
Тебя Ермакъ
Переплывалъ!
Твой бѣлый валъ
Не заплескалъ
Его ладьи!
Шумятъ струи,
Валы бѣгутъ,
Но берегутъ
Его челнокъ....
Потокъ глубокъ;
Ладья летитъ,
Пловецъ молчитъ.
Знать, ты узналъ,
Сѣдой Уралъ,
Кто твой ѣздокъ....

Твой бѣлый валъ
Не заплескалъ
Его челнокъ!
Почто-жь вскипѣлъ
Родной Уралъ?
Зачѣмъ взревѣлъ
Твой бѣлый валъ?
Ты взволновалъ
Со дна песокъ,
Ты распозналъ
Чужой челнокъ....
Въ твоихъ волнахъ
Заклятый врагъ,
Коварный Ляхъ....
То Мнишекъ.... Ну!
Топи, волна,
Ладью ко дну!
Плыветъ она
Змѣя жена....
Уралъ, Уралъ!
Въ твоихъ волнахъ
Заклятый врагъ!...

III.

БУЛАТЪ.

—

Россіи мститель роковой,
Булатъ завѣтный — радость дѣда —
Ты весь избитъ о кости Шведа
Тяжелой Русскою рукой!
Ты погулялъ въ поляхъ Полтавы
Для Русской чести, Русской славы!
Прошла кровавая пора....
Ты бушевалъ безъ укоризны,
Ты выручалъ и честь отчизны,
И честь великаго Петра!
Хвала тебѣ, какъ старый воинъ—
Ты много службы прослужилъ,
Какъ сынъ родной — не измѣнилъ,
И дѣла храбраго достоинъ!
Почто-жь замолкъ, и въ жалкомъ снѣ —
Одѣлся ржавчины корою,

И въ сокрушительной войнѣ
Не бился съ западной грозою?
Тебя никто не разбудилъ,
Никто на брань не наострилъ!...
Ты спалъ, обросшій павиликой,
Ты не блеснулъ, когда Великій
Великой родинѣ грозилъ;
Ты не встрѣчалъ Наполеона,
Тебя рука не подняла
На корсиканскаго орла,
За жизнь родныхъ, за славу трона!
Не подняла.... ты не найденъ,
И безъ тебя вскипѣли бои,
Гдѣ бились вы, мои герои,
Гдѣ васъ узналъ Наполеонъ!
Напрасно онъ свой мощный геній
Въ глубокихъ думахъ напрягалъ....
И онъ разбитъ, и онъ бѣжалъ —
Звѣзда войны, судьба сраженій!
И — житель дикія скалы —
Онъ помнилъ Русскіе удары,
Побѣгъ, позоръ, Москву, пожары —
И васъ, двуглавые орлы!
Но я нашелъ, рѣшитель боя,
Я отыскалъ тебя, булатъ, —
И какъ я веселъ, какъ я радъ —
Тебѣ — товарищу героя!
Какъ часто въ полночь при лунѣ,

Тебя разсматриваю жадно!...
Ты милый гость мой, ненаглядный,
Живой разсказъ о старинѣ!...
О! сколько думъ, воспоминаній,
Какія жаркія мечты!
И сколько въ грудь младую ты
Вдохнулъ возвышенныхъ желаній!
Греми труба, ужь я точу
Булатъ, подъятый изъ забвенья!
Дай руку, К***, я лечу
Съ тобой на зарево сраженья!

*

Душа великая Великаго Петра,
Благослови булатъ за честь роднаго края!
Онъ твой, Святая Русь! онъ твой, земля родная!
Сподвижникъ вѣковый и чести и добра!

———

IV.

ЕВРЕЙ.

А. И. К—л—ру.

—

Еврей, Еврей, гдѣ твой Ерусалимъ?
Куда бѣжалъ съ прекраснаго Востока?
Въ твоихъ странахъ поклонники Пророка!
Скажи Еврей, гдѣ твой Ерусалимъ?
Ты не придешь ко храму Соломона,
Не населишь земли своихъ отцовъ,
Тебѣ не зрѣть высокаго Сіона,
Тебя забылъ могущій Саваоѳъ!
Напрасно ты, рыдая, произносишь:
Ерусалимъ, Ерусалимъ!
Еврей, ты неба не упросишь,
Еговы гнѣвъ не умолимъ!
И жизнь твоя одно воспоминанье
О пламенной, восточной сторонѣ....
И ты на мигъ, на мигъ, какъ въ сладкомъ снѣ,
Забудешь грусть свою и горькое изгнанье;

Представишь ты себѣ священный градъ,
Куда отцы твои стекались для моленья,
Тотъ дивный храмъ, куда и старъ и младъ
Вступали трепетно при гласахъ пѣснопѣнья,
Гдѣ Саваоѳъ незримо осѣнялъ,
Гдѣ Ангелы съ лазурными крылами,
Гдѣ жертвы тучныя священными руками
Служитель Бога закалалъ!
Играли гусли сладкогласны,
Гремѣла пѣснь Сіонскихъ дочерей....
О какъ онѣ плѣнительны, прекрасны,
Какой огонь ихъ пламенныхъ очей!
На ихъ челѣ невинность и святыня,
Ихъ грудь полна надежды молодой!...
О, хоры дѣвъ Сіонскихъ! гдѣ вы нынѣ?
Гдѣ вертоградъ сей дорогой?
Гдѣ жь дивный храмъ, гдѣ вы, Востока дѣвы?
Увы исчезло все, какъ благодатный сонъ,
Замолкли звучные напѣвы,
Туманенъ сумрачный Сіонъ!...
Разбитъ псалтирь, неслышенъ гулъ тимпана,
Печаленъ видъ прекрасныхъ странъ,
Святыя воды Іордана
Поятъ коней Магометанъ!
Еврей, какою ты судьбою
На Сѣверѣ? зачѣмъ сюда бѣжалъ?
Зачѣмъ съ прекрасною разстался стороною?
Скажи, Еврей, чего здѣсь ожидалъ?

Чья грудь тебя привѣтливо согрѣетъ?
Ты вѣкъ гонимъ, ты низокъ сердцемъ сталъ,
И надъ тобой проклятье тяготѣетъ....
Увы, Еврей, ты Бога распиналъ!...

V.

ЧАША.

—

Старинная чаша, отцовская чаша,
Широкое дно, росписные края!
Давно-ль ты живешь, дорогая моя —
Старинная чаша, отцовская чаша?
О, дѣдовъ радушныхъ наслѣдственный даръ!
Я пью изъ тебя, старину вспоминая;
Быть можетъ, ты помнишь злодѣя Мамая
И тяжкое иго жестокихъ Татаръ....
Ты сохла, ты сохла — и медъ искрометный
Во время неволи въ тебѣ не кипѣлъ,
И прадѣдъ печальный—въ цѣпи долголѣтной—
Тебя не касался и пѣсенъ не пѣлъ....
Но ты загремѣла во время Донскаго—
И пѣны бугры черезъ край полились,
Какъ предки, отмщеньемъ пылая, клялись,
Клялись воевать за защиту роднаго!

А въ ранахъ свободы воинственный дѣдъ
Сидѣлъ за тобой съ дорогими гостями,
А ты украшала ихъ русскій обѣдъ
Веселымъ виномъ, росписными краями,
И слышала — вѣрно — отъ предковъ не разъ,
О подвигахъ славныхъ горячій разсказъ!
Зачѣмъ же ты вновь затряслась, пролилася?
Что-жь высохло снова широкое дно?
Зачѣмъ позабыла свой медъ и вино?
Ахъ! въ сердце Россіи Литва ворвалася!
Ты помнишь убійство въ Кремлевскихъ стѣнахъ,
Гдѣ кровью, святыней ругался намъ Ляхъ!...
Не долго! трубою ты вновь загремѣла,
И предокъ наполнилъ тебя до краевъ!
Вотъ Мининъ, Пожарскій пошли на враговъ
И въ Русскихъ священная месть закипѣла!
Ну! пейте-жь изъ чаши завѣтной, друзья,
И пойте побѣды, нынь очередь наша!
Раздайся, раздайся отцовская чаша,
Широкое дно, росписные края!

VI.

ЛИРА БАЙРОНА.

—

Что жь ты замолкъ въ пустыняхъ міра,
Творящій духъ, великій человѣкъ?...
Увы! о Геллеспонтскій брегъ
Разбилась Байронова лира!
И струны полныя пожрались темной бездной,
И дивными играетъ океанъ;
Послѣдній звукъ ея взгремѣлъ въ пучинѣ звѣзд-
ной,
Какъ въ храмѣ мудраго торжественный тимпанъ!
Увы! земля! оплачь свое свѣтило!
Кто жь дерзостный, властительный пѣвецъ
Восхититъ Байрона и звуки, и вѣнецъ,
И прогремитъ его разбитой лирой?
Какъ можетъ онъ бизсильными руками
Исчерпать бездну темныхъ водъ,
И овладѣть завѣтными срунами
На днѣ твоемъ, священный Геллеспонтъ?

Кто дерзкій юноша съ безумною мечтою
Дерзнетъ лазурныя пучины облетать,
И звуки Байрона съ волшебною игрою
Въ младую грудь отважно заковать?
Никто!... Но есть мгновенья....
Когда вскипитъ свободный океанъ,
Тогда, тогда въ минуты треволненья,
Какъ по морю бушуетъ ураганъ,
Чудесныя, изъ бездны выплываютъ,
И, натянувшися на скачущихъ волнахъ,
При грохотѣ валовъ, при бурѣ и громахъ
Опять по прежнему играютъ....
Или когда отъ дальняго востока
Господень гнѣвъ — взойдетъ гроза;
И волны бурныя гремящаго потока
Зальютъ святыя небеса,
Когда орелъ неистово играетъ,
Когда земля, какъ грѣшница, дрожитъ,
Когда небесный громъ гремитъ,
И съ облака на облакъ пробѣгаетъ —
Въ сей грозный часъ нашъ духъ трепещетъ и кипитъ....
О други, тамъ не громъ, а Байронъ говоритъ!

VII.

МЕЧТА.

—

Есть на душѣ завѣтная мечта;
Она моя: въ ней все, что сердце любитъ.
Не знаю я, спасетъ или погубитъ
Меня прекрасная мечта....
Она родилася въ минуту упоенья,
Когда я пилъ надеждъ ласкающій фіялъ
И молодой восторгъ эѳирное творенье
Въ горящія объятья принималъ.

*

Небесная отрадно просіяла,
Гармоніи чарующей полна;
Торжественна, свѣтла, безъ покрывала,
Душѣ моей явилася она.

И я люблю ее, надъ ней такъ сладко плачу,
Я къ ней ревнивъ, — она моя!
И горе мнѣ, когда тебя утрачу,
Мечта высокая, прекрасная моя!

*

При ней молчатъ жестокія сомнѣнья,
Мой темный путь надеждой озаренъ....
О, оправдай ее, святое Провидѣнье, —
И брани нѣтъ, и міръ преображенъ,
За жизнь мою, за день, въ который я рожденъ;
И мнѣ яснѣй мое предназначенье,
Доступнѣй тайна бытія;
Душа полна и силъ и упоенья!...
Не оставляй меня, отрадное видѣнье;
Мечта высокая, прекрасная моя!

VIII.

ПѢСНЯ.

—

Прочь, прочь ни слова!
Не буди, что́ было:
Не тебя — другаго
Въ жизни я любила....

*

Мой ангелъ милый —
Онъ не дышитъ болѣ;
Онъ лежитъ въ могилѣ
На кровавомъ полѣ.

*

Увяла младость
Такова-ль была я?
Ахъ! на что мнѣ радость!
И зачѣмъ жива я!...

*

Лишь имъ дышала,
Лишь ему клялася;
Съ нимъ я все узнала....
И какъ жизнь неслася!

*

Въ тѣни черешень,
Въ тишинѣ глубокой,
Кто такъ былъ утѣшенъ
На груди высокой?...

*

Нашъ край спасая,
Но тая разлуку,
Онъ стоялъ, рыдая, —
Молча сжалъ мнѣ руку.

*

Прочь, прочь, ни слова!
Не буди, что̀ было:
Не тебя — другаго
Въ жизни я любила!

IX.

КЪ ***.

—

Зачѣмъ зовешь ее: «Безстрастная —
Она какъ мраморъ холодна!»
Узнай: душа ея прекрасная
Для сильной страсти рождена,
Для слезъ любви, для упоенія,
Для нѣжной пламенной мечты....
И благодатное видѣніе —
Она явилась на мученіе
Въ юдоли хладной суеты!
Враждебнымъ рокомъ увлеченная,
(Цвѣтокъ, взлелѣянный въ тиши)
Она любила упоенная,
Всей бурной силою души:
Въ младой душѣ кипящей страстію,
Сказалась тайна бытія,
Душа довѣрилася счастію,
Душа прекрасная ея!
О, какъ она любила пламенно,

Боготворя свой идеалъ!

. . . .

. . . .

И всѣ надежды пылкой младости
Несла ему, всю жизнь свою,
За мигъ единый полной радости,
За звукъ чарующій: люблю!
И всѣ свои молитвы чистыя,
Обѣты сердца своего —
За кудри темныя, волнистыя,
За рѣчи сладкія его!

*

Какъ разсказать ея страданія,
Тоску любви, померкшій взоръ,
Когда погибли упованія,
Свершился страшный приговоръ?
Но вотъ среди толпы ликующей,
Гдѣ все и блещетъ и кипитъ,
Она явилася горюющей
И хладнымъ мраморомъ стоитъ!
Мой другъ, прочти ея страданія,
Вглядись въ печальныя черты:
Въ нихъ нѣтъ земнаго ожиданія,
Въ нихъ нѣтъ чарующей мечты! —
На нихъ слѣды тоски глубокія,
Ночей мучительныхъ печать,
На нихъ желанія далекія,
Загробной жизни благодать!

X.

ПѢСНЯ.

—

Взгляни мой другъ: по небу голубому,
Какъ легкій дымъ, несутся облака
Такъ грусть пройдетъ по сердцу молодому,
Его, какъ сонъ, касаяся слегка.

*

Мой милый другъ, твои младые годы
Прекрасный цвѣтъ души твоей спасутъ;
Оставь же мнѣ и громъ и непогоды....
Они твое блаженство унесутъ.

*

Прости, забудь, не требуй объясненій....
Моей судьбы тебѣ не раздѣлить....
Ты создана для тихихъ наслажденій,
Для сладкихъ слезъ, для счастія любить!

*

Взгляни, взгляни — по небу голубому,
Какъ легкій дымъ, несутся облака:
Такъ грусть пройдетъ по сердцу молодому,
Его, какъ сонъ, касаяся слегка!

XI.

МОЛИТВА.

—

Спаситель, Спаситель, Спаситель, мой Боже!
Твой крестъ тяготѣетъ на рамѣ моемъ;
Слезами улито полночное ложе,
И я умоляю тебя объ одномъ.
Спаситель! мнѣ тяжко, мнѣ грустно Спаситель!
Душа утомилась въ оковахъ земныхъ:
О, дай мнѣ, Отецъ мой, покоя обитель,
Въ свободномъ пространствѣ небесъ голубыхъ!
Житейскаго моря мятежныя волны
Давно сокрушили мнѣ юную грудь,
На путь мой, страстей возмутительныхъ полный,
Мнѣ страшно, мнѣ страшно, Спаситель, взглянуть!
Лишь тихая лампа да крестъ твой священный,
Полночныя зрѣли страданья мои!
Когда же, Отецъ мой, душой обновленной,
Когда жь полечу я въ объятья твои?...

XII.

ГРУСТЬ.

—

Какая-то разгнѣванная сила
Отъ юности меня страданью обрекла:
Огнемъ страстей мнѣ сердце воспалила,
А сердцу счастья не дала!
Какъ утолить не спящія волненья,
И равною любовію любить?
. . . .

———

**.

XIII.

ОНА....

Какъ радостенъ отцу возвратъ младаго сына,
Цвѣтущаго и нѣжнаго душой;
Какъ сладостенъ оазъ для сердца Бедуина,
Съ зеленой пальмою, съ прохладною струей:
Такъ ты мнѣ жизнь и рай, оазъ прелестный мой!—
Ко мнѣ, ко мнѣ, ты — съ чудными очами,
Съ благоуханными устами,
Съ темнокудрявой головой!
О! гдѣ мой гимнъ Творцу за всѣ его награды?
Нѣтъ, никогда отца не радовалъ такъ сынъ,
Нѣтъ, никогда подъ деревомъ прохлады,
Такъ сладко не дышалъ пустынный Бедуинъ!
О, никогда!...

XIV.

***

—

Она бѣжитъ играющихъ подругъ;
Она грустна; ей скученъ ихъ досугъ,
Ихъ игры рѣзвыя, ихъ смѣхъ и разговоры
Про юношей, про танцы, про нарядъ,
Ея глубокія, задумчивые взоры
О тайной страсти говорятъ. . . .
Кто жь юноша? Гдѣ онъ теперь? Давно ли?..
Но нѣтъ, таи, прекрасная, таи
Тоску сердечныя неволи,
Мечты любимыя твои!
Таи! Холодный свѣтъ святаго не оцѣнитъ,
Толпа мертва для чувства и страстей,
Завистливо душѣ твоей измѣнитъ
Коварная подруга юныхъ дней.

*

Но здѣсь одинъ знакомъ съ опасными страстями,
И тайна думъ твоихъ отъ взора не ушла:
Я знаю, отъ чего, подъ черными кудрями,
На мраморномъ челѣ забота налегла;
Я знаю, отъ чего ланиты погасаютъ,
Какою тайною закованы уста,
Что взоры грустные кого-то ожидаютъ
И отъ чего тиха, безмолвна красота.
Ты помнишь пѣснь любви съ завѣтною мольбою,
При шумномъ говорѣ собравшихся гостей?...
Какъ вся страдала ты! Твой взоръ блеснулъ слезою.
Я видѣлъ всю игру взволнованныхъ страстей....

XV.

ЗВУКИ.

—

Они уносятъ духъ — властительные звуки!
Въ нихъ упоеніе мучительныхъ страстей,
Въ нихъ голосъ плачущей разлуки,
Въ нихъ радость юности моей!
Взволнованное сердце замираетъ,
Но я тоски не властенъ утолить:
Душа безумная томится и желаетъ
И пѣть, и плакать, и любить!...

XVI.

ВОЗВРАТЪ.

—

Мчусь домой. — Ахъ! въ зимни вьюги,
Сколько разъ я мчался къ ней!...
Вотъ у ней, въ домашнемъ кругѣ....
И я съ блѣдныя подруги
Не свожу моихъ очей....

*

Вотъ стоитъ въ дали пустынной
Съ бѣлой розою въ кудряхъ....
Я цѣлую локонъ длинный....
Какъ она любила сильно!
Сколько жизни въ прошлыхъ дняхъ!

*

Сны мои!... Тамъ, помню, ивы
Зеленѣлись надъ водой...
Въ первый разъ она ревнива...
Вдругъ, чуть слышно, боязливо,
Обвила меня рукой...

*

О довольно!... нѣтъ, тоскою
Сердце сжалось, Боже, вновь,
Смутный взоръ дрожитъ слезою,
Надъ усталой головою
Вѣетъ давняя любовь.

*

Да, не даромъ ты любила:
Все взяла ты у меня!
О, ты дорого любила:
Ты навѣкъ мнѣ погубила
Цвѣтъ и прелесть бытія!...

*

И зачѣмъ ужъ въ сновидѣньѣ,
Призракъ милый, пролетишь,
Обольстишь воображенье,
И на мигъ уединенье,
Свѣтлый геній, озаришь?...

*

И не такъ ли засіяетъ
Надъ гробницею луна?
Мраморъ, вспыхнувъ, оживаетъ, —
Но блеснетъ и исчезаетъ
Въ темномъ облакѣ она....
Все прошло!...

XVII.

ДУМА.

—

Она была его единымъ вдохновеньемъ,
Младой любви страдальческимъ вѣнцомъ,
Она одна, съ слезами и томленьемъ
Боготворимая задумчивымъ пѣвцомъ....
Для ней онъ былъ готовъ летѣть на поле битвы,
Когда нахлынули отъ запада враги,
Въ восторгѣ пѣть прощальныя молитвы
И весть на брань отмщенія полки.
Для ней онъ бы надѣлъ одежды пилигрима,
И обувь странника, — и рыцарь молодой —
Пошелъ-бы въ дальній край, къ полямъ Еру-
салима,
Что-бъ только выполнить обѣтъ ея святой....
И какъ-бы пламенно пѣвецъ объ ней молился! —
Объ ней бы думая, подъ пальмой отдыхалъ,
И снова бы на полночь возвратился,
Благословеніе возлюбленной сказалъ,

Принесъ бы ей фіялъ со влагой Іордана,
Надъ коимъ нѣкогда гремѣлъ Іеговы гласъ, —
И странника чарующій разсказъ
Для ней бы слаще былъ и гуслей и тимпана.
А онъ замолкъ — любимый нашъ пѣвецъ
Разстался съ звонкою цѣвницей,
Повѣсилъ онъ лавровый свой вѣнецъ
Надъ хладною печальною гробницей.
Не спрашивай, зачѣмъ онъ не поетъ;
Увы! мой другъ, она его любила....
Онъ кончилъ пѣснь; она его зоветъ....
А проводникъ туда — могила.

XVIII.

ЭЛЕГІЯ.

—

Когда порой, свободный отъ трудовъ,
Свободно я дышу подъ небомъ полуночи,
Когда альдебаранъ горитъ мнѣ прямо въ очи,
А съ сѣвера идутъ громады облаковъ;
Чело восторгъ обниметъ, какъ и прежде,
Воображеніе — мой демонъ — загоритъ,
И что-то схожее на прежнюю надежду,
На стонъ, на вздохъ любви, во мракѣ прозвучитъ....
Тогда я чувствую, какъ быстро набѣгаетъ
Слеза тяжелая, невольная слеза;
И долго, долго вдаль глядятъ мои глаза....
Есть имена — увы! — магическіе звуки!
Какимъ волненіемъ имъ вторитъ грудь моя!
Есть образы въ душѣ, — и съ ними нѣтъ разлуки,
Свѣтила блѣдныя въ туманѣ бытія;
Святыя, милыя!...

———

XIX.

ЭЛЕГІЯ.

—

Не говорите ей: ты любишь безразсудно,
Твоя печаль — безумная печаль!
Не говорите такъ! разувѣряться трудно,
И вы ее увѣрите едва ль.
Нѣтъ! вы не видѣли нѣмыхъ ея страданій,
Ночей безъ сна, рыданій въ тьмѣ ночной,
Не испытали вы любви безъ упованій,
Не знаете вы страсти роковой!
О, какъ она любила и страдала!
Увы! его душа ея не поняла!
Я видѣлъ: бѣдная! блѣдна и молчалива,
Она приходъ любимца стерегла;
Вотъ вспыхнула, подходитъ боязливо —
И тайна снова въ сердцѣ умерла!
Не говорите жь ей: ты любишь безразсудно,
Твоя печаль — безумная печаль!
Не говорите такъ! разувѣряться трудно,
И вы ее увѣрите едваль!

———

XX.

СТАНСЫ КЪ ДЕЗДЕМОНѢ.

—

Зачѣмъ такъ поздно ты явилась,
Или зачѣмъ явилась ты,
Когда ужь жизнь разоблачилась,
Погибли лучшія мечты?

*

Явись тогда, явись мнѣ прежде, —
Тебѣ отдалъ бы я одной
Всѣ сны, всѣ гордыя надежды
Съ кипящей жизнью молодой!

*

Увы! и что же отъ волненій
Осталось пламенныхъ тогда?
Лишь хладъ душевный, ядъ сомнѣній,
И миръ безвѣстнаго труда....

*

И ни единыя надежды,
И ни единыя мечты!...
Убиты всѣ! Зачѣмъ не прежде,
Что раньше не явилась ты?

*

Быть можетъ, ты бы оправдала
Святую тайну бытія;
Я вѣрю: меньше бы страдала
Душа пустынная моя.

*

О Дездемона, Дездемона!
Скажи: вѣрна ль твоя любовь?
Ты хочешь слезъ моихъ и стона?
Возьми! но дай мнѣ счастья вновь!

*

Умчи меня, какъ вихорь танца.
Съ тобой чудесна жизни даль!...
Во мнѣ, какъ въ сердцѣ Африканца,
Не вспыхнетъ дикая печаль....

*

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

*

Такъ блещутъ сумрачныя воды,
Хотя ихъ бездна все мрачна,
Когда въ нихъ, послѣ непогоды,
Глядится чистая луна.

XXI.

САРА

(Посвящено И. Г. Ч—у).

—

За рѣкою, за Десной,
Есть шинкарочка одна;
У шинкарки молодой
Много меду и вина.
И къ ней съ раннія зари
Наѣзжаютъ молодцы,
И гуляютъ до зари
Изъ Чернигова купцы.
Къ ней обозы пристаютъ,
Наливаются ковши,
И танцуютъ и поютъ,
У шинкарочки — души....

*

Али медъ у ней иной,
Али водка веселѣй,

Что у Сары молодой
Полонъ дворъ шумитъ гостей?
Нѣтъ, къ шинкаркѣ молодой
Ручки бѣлыя манятъ,
Подъ пунцовою чалмой
Очи черные горятъ;
Слышно — горекъ сладкій медъ,
Если нѣтъ ея рѣчей:
Такъ за тѣмъ-то весь народъ
Приворачиваетъ къ ней.
Что-жь по сердцу нѣтъ у ней
Молодца изъ молодцовъ,
Ни изъ бойкихъ писарей,
Ни изъ вѣжливыхъ купцовъ?
Кто-бъ подумалъ? Къ ней одинъ
Къ чаровницѣ молодой,
Вздумалъ ѣздить господинъ,
За полночною порой.
Для него-то одного
Сара сердце сберегла,
Для него лишь одного
Спала жаркая чалма....
Онъ прискачетъ на конѣ,
На конѣ на ворономъ;
Ихъ свиданье при лунѣ,
Подъ лазоревымъ шатромъ....

*

И я помню за Десной
Гдѣ я долго кочевалъ,
Близь дороги, подъ горой,
Сару бѣдную встрѣчалъ....
Какъ украинская ночь,
Вдохновенія полна!
Какъ твоя, Израиль, дочь
Въ поздній часъ упоена!
Пилигримъ такъ средь степей
Оживитъ порой мечты;
Отдыхая у ключей,
Рветъ онъ дикіе цвѣты.
И одинъ изъ нихъ возьметъ,
Какъ завѣтный талисманъ,
И на сѣверъ принесетъ
Онъ цвѣтокъ восточныхъ странъ..

XXII.

ПѢСНЯ.

—

Не гляди поэту въ очи,
Не внимай его рѣчамъ,
Убѣгай, какъ призракъ ночи,
Недоступная мольбамъ;
Не буди его желаній,
Жизнью, другомъ не зови;
Ты страшись его признаній,
И не вѣрь его любви....
Не желай съ нимъ тайной встрѣчи,
Разговоръ его бѣда....
Обольстительныя рѣчи
Очаруютъ навсегда.
Распусти же покрывало
Надъ пылающимъ лицомъ,
Крупнымъ жемчугомъ, коралломъ
Слухъ завѣсь передъ пѣвцомъ!
Но душа твоя желаетъ, —
И любимецъ твой вошелъ....

Надъ челомъ его играетъ
Вдохновенья ореолъ.
Ты съ улыбкою встрѣчаешь,
Унеслась твоя печаль,
Ты рѣчамъ его внимаешь,
Опершися на рояль.
Вся желанье, вся томленье, —
Ловишь звукъ его рѣчей....
Что не скроешь ты волненья,
Не сведешь съ него очей?
Берегись, передъ тобою
Обольстительный пѣвецъ.
Онъ къ ногамъ твоимъ съ мольбою
Броситъ гордый твой вѣнецъ;
Берегись, его объятья
Станъ покорный обовьютъ.
Ты погибнешь, ... но проклятья
Свѣтлыхъ дней не приведутъ!...
Не приколешь, дѣва, розы
Надъ кудрявой головой,
Побѣгутъ, какъ жемчугъ, слезы
По ланитѣ молодой....
Онъ тебѣ дороже міра,
Но любимецъ твой исчезъ,
И ужь новаго кумира
Жадно проситъ у небесъ!

XXIII.

ПЕРВЫЙ ВЫѢЗДЪ.

—

Можетъ быть, въ кругу прелестныхъ,
Полекъ вѣтренныхъ, младыхъ,
Чаровницъ мнѣ неизвѣстныхъ
Позабудусь я на мигъ.

*

Говорятъ — онѣ опасны,
Какъ небесная гроза,
Ихъ движенья сладострастны,
Страшны черные глаза.

*

О, когда-бъ онѣ умчали,
Какъ живой потокъ весны,
Всѣ сомнѣнья и печали
Всѣ несбывшіеся сны!

*

Знаю — жизнь не обновится,
Отъ недуга не спастись!
Дайте-жь мигъ мнѣ позабыться,
Въ шумныхъ танцахъ унестись!

*

Столько лѣтъ въ борьбѣ мятежной!
Я какъ скитникъ одичалъ;
Не внималъ рѣчамъ я нѣжнымъ,
Бѣлыхъ рукъ не цаловалъ!

XXIV.

ПАННА.

—

Тайно, въ полночь, у фонтана,
Застоялась что-то панна
Долго ждетъ она....
Тихо вѣтви разступились
Грудь высокая забилась....
Панна не одна....
Не одна — подъ шумъ фонтана
Что-то страстно шепчетъ панна,
Кто-то съ ней стоитъ,
И при свѣтѣ лунной ночи,
Ей въ заплаканные очи
Юноша глядитъ.
Вотъ садится, вижу — панна
Подъ черешню, близь фонтана;
Онъ у ногъ ея, —
И откинувъ покрывало,

«Милый другъ—она сказала
«Я ждала тебя.
«Какъ сказать, что съ сердцемъ было,—
«Въ первый разъ оно любило!...»
Юноша молчалъ;
Только жарко въ тайной сѣни
Онъ лобзалъ ея колѣни,
Руку ей сжималъ.
Тише, тише струй фонтана,
Говорила снова панна:
«Любишь-ли меня?....»
И съ улыбкою небесной,
Такъ роскошно, такъ чудесно
Друга обняла.
«О, люблю-ли, другъ жестокій?...
«Я для панны черноокой
«Все давно забылъ....»
И при блѣдномъ свѣтѣ ночи
Милой паннѣ въ ясны очи
Взоръ нѣмой вперилъ.
Какъ фонтана тихій ропотъ,
Снова слышенъ сладкій шопотъ,
Другъ заговорилъ:
«Если нѣтъ меня съ тобою,
«Обо мнѣ одна, порою,
«Думаешь ли ты?
«Веселясь въ кругу съ гостями,
«Панна, ясными очами,

«Ты меня-ль ждала?
«Если пыль вдругъ въ отдаленьи,
«И я мчусь хоть на мгновенье —
«Рада-ль мнѣ была?»
—«Рада-ль?—о, мой милый,
«Для тебя я все забыла,
«Ты лишь жизнь моя.
«Если ты когда далеко,
«Грустно паннѣ одинокой,
«Страшно безъ тебя.»
И концомъ она вуаля
Тайно слезы отирала.
Юноша молчалъ;
Только внемля тихой рѣчи,
Онъ, какъ мраморъ, паннѣ плечи
Бѣлыя лобзалъ.
Ночь неслася сновидѣньемъ....
Скоро утро—въ отдаленьи
Конь зоветъ давно.
«Время! Время!—На прощанье
«Панна дастъ-ли мнѣ лобзанье
«Милая одно?...»
—«Никогда!—О, это много!...
И съ улыбкою, но строго,
Отвела лицо;
И, какъ призракъ, быстро встала,
И уныло взоръ бросала
Панна на крыльцо.

«Прочь обѣты! — На прощанье
«Дай одно, одно лобзанье!»
Юноша вскричалъ.
«Завтра въ битву, завтра въ поле!»—
Онъ не могъ сказать ей болѣ —
Голосъ задрожалъ.
—«Я твоя. . . . .
Міръ исчезъ для нихъ....
Пронеслося упонье....
Что̀-жъ ты, бурное мгновенье —
Вѣчность или мигъ?...
Съ той поры, лишь полночь, панна
Тихо станетъ у фонтана,
Дико вдаль глядитъ;
Иль одна, во тьмѣ черешень,
Блѣдная сидитъ....

XXV.

ЭЛЕГІЯ.

—

Я скученъ для людей, мнѣ скучно между ними!
Но, — видитъ Богъ, — я сердцемъ не злодѣй:
Я такъ хотѣлъ любить людей,
Хотѣлъ назвать ихъ братьями моими,
Хотѣлъ я жить для нихъ, какъ для друзей!
Я простиралъ къ нимъ жаркія объятья,
Младое сердце въ даръ имъ несъ:
И не признали эти братья,
Не раздѣлили братскихъ слезъ!...
А я ихъ такъ любилъ! Къ чему воспоминанья?
То были юноши безумныя желанья;
Я былъ дитя. Теперь же вновь люблю
Обитель тихую, безмолвную мою.
Тамъ зрѣютъ въ тишинѣ властительныя думы,
Кипятъ желанія, волнуются мечты,
И миръ души моей то свѣтлый, то угрюмый,

Не возмущается дыханьемъ клеветы.
Но ты со мной, благое Провидѣнье!
Не Ты ли, мой Творецъ, не Ты ли, вѣчный Богъ,
Не Ты ль послалъ въ мое уединенье
И чистый пламенный восторгъ,
И тихое, святое размышленье?

*

Когда же по душѣ пройдетъ страстей гроза,
Настанетъ тягостная битва,
Есть на устахъ Тебѣ горящая молитва,
А на глазахъ дрожащая слеза.
Тогда бѣгу людей, боясь ихъ приближенья,
И силюсь затаить и слезы, и волненья,
Чтобъ взоръ лукавой клеветы
Не оскорбилъ моей мечты,
И грустно разстаюсь я съ думами моими;
Я скученъ для людей: мнѣ скучно между ними!

XXVI

СОНЪ.

—

Не знаю гдѣ, но помню живо,
Широкій прудъ и домъ въ одинъ этажъ;
Тамъ надъ водой качались тихо ивы,
А у крыльца стоялъ готовый экипажъ.
Съ востока туча находила,
И ласточка кружилась надъ волной,
И вѣтеръ дулъ, и роща говорила,
И рогъ звучалъ за дальнею горой.
А между тѣмъ душа чего-то ожидала,
Неяснымъ трепетомъ вся грудь была полна,
Гляжу: тамъ дѣвушка у входа ужь стояла;
Высокій станъ ея мантилья обвивала,
Она была прекрасна, но блѣдна.
Кого-то ждетъ. Смотрю—къ ней выходили

Еще двѣ дѣвушки, въ веснѣ счастливыхъ лѣтъ;
Онѣ, смѣясь, о чемъ-то говорили,
За ними юноша вослѣдъ.
Ужели онъ? Черты напоминали
Мнѣ друга юности моей....
Давно, давно судьбы его умчали....
Но какъ узнать тебя, товарищъ лучшихъ дней!
Лицо твое одѣлъ могильный цвѣтъ печали,
А на челѣ слѣды глубокіе страстей!
Зачѣмъ ты здѣсь? Кто этотъ призракъ нѣжный?
Что̀ онъ тебѣ? Зачѣмъ твой бѣглый взоръ
Вдругъ выразилъ и радость и укоръ,
И тайну ревности мятежной?
Волшебница, зачѣмъ она съ тобой
Такъ холодна, такъ страшно равнодушна?...
Ты не замѣченъ; ей не нужно
Твоихъ рѣчей; прозрачною рукой,
Смотри, откинула вуаль она послушный
И топитъ взоръ за дальнею горой.
Зачѣмъ ты здѣсь? Но всѣ сокрылись въ отда-
леньи,
И сцена новая опять въ моемъ видѣньи.

*

Вотъ, гдѣ-то, домъ высокій и старинный,
Тѣнистый садъ раскинутъ по рѣкѣ;
Тамъ вдаль аллеи темной, длинной,
Идетъ она, съ ней онъ, письмо въ его рукѣ.

И видѣлъ я, какъ быстро проходили,
И возвращалися опять;
Они о чемъ-то говорили,
Какъ-будто спорили, но я не могъ понять.
Зато въ минуту ихъ разлуки,
Мнѣ показалось, когда онъ говорилъ,
Что на его устахъ дрожали какъ-то звуки,
Склоненный взоръ былъ полонъ скрытой муки,
Что онъ ее о чемъ-то всё молилъ....
Но гордая, откинувъ покрывало,
«Напрасный трудъ!» съ досадой отвѣчала.
И нѣтъ ея, и блѣденъ онъ стоялъ,
И.... мнѣ послышалось: «Богъ съ вами!» онъ
сказалъ.
Онъ на коня, онъ мчится въ отдаленьи....
Но сцена новая опять въ моемъ видѣньи.

*

Ложился вечеръ молчаливо,
Опять широкій прудъ, и домъ въ одинъ этажъ,
Вновь надъ водой качались тихо ивы,
А у крыльца стоялъ дорожный экипажъ.
И я вхожу: открыта зала,
Смотрю: она, опять она!
Но показалось мнѣ, теперь она страдала,
Какой-то тайною была поражена,

Какъ будто что-то потеряла....
Но.... можетъ быть, капризъ, иль можетъ быть,
устала;
Таилась ли любовь, была ль она больна,
Я разгадать не могъ. Но гости позабыты;
Она сидитъ одна, поникнувъ головой,
И у нея блѣднѣй ланиты
Лилеи, сорванной грозой.
Вдругъ входитъ онъ. Вдали отъ ней садится,
И на вопросъ ея, скрѣпя въ груди печаль,
Онъ говорилъ, что ѣдетъ въ даль,
И что заѣхалъ къ нимъ проститься.
Казалось, стало дурно ей,
Казалось, стонъ въ груди едва она таила,
И — странно — отъ его очей
Она теперь своихъ не отводила.
О, нѣтъ! но долгій, грустный взглядъ
Былъ обращенъ къ нему: напрасно!
Онъ помнитъ все, онъ видѣлъ слишкомъ ясно,
И не возьметъ ея изъ жалости наградъ,
Не оскорбитъ ея тоской своей глубокой:
Въ послѣдній разъ очей съ нея онъ не сводилъ;
Но этотъ взоръ безъ просьбы, безъ упрека
Былъ неподвиженъ и уныль.
Приходитъ часъ. Его ужь провожали,
Давно къ крыльцу ужь тройка подана,
Всѣ счастливой ему дороги пожелали,
И всѣ ушли. Одна стоитъ она

Еще какъ статуя печали,
И неподвижна и блѣдна.
Зячѣмъ-то разъ еще онъ оглянулся,
Мѣдь зазвенѣла, о̆нъ помчалъ,
Мнѣ стало грустно, я проснулся.
А колокольчикъ все звучалъ.

XXVII.

РАЗЛУКА.

—

Пронесется ли буря мятежная
И пустынную розу сорветъ,
Затоскуется горлица нѣжная
Какъ птенцовъ ея коршунъ убьетъ.
Гибнетъ роза въ степи одинокая,
Не воскреснетъ поблекшій цвѣтокъ,
Твои очи, подруга далекая,
Не утѣшитъ вѣнчальный вѣнокъ.
Рано высохла грудь твоя страстная,
Рано взоръ твой веселый потухъ.
Не на счастье любила, прекрасная,
Не на радость узналъ тебя другъ!
О, какъ рано съ блаженствомъ простилася —
И ужь столько безсонныхъ ночей,
Столько стоновъ во тьмѣ утаилося,
Столько пролито слезъ изъ очей!...

Его нѣтъ — не прійдетъ на свиданіе:
Онъ въ туманную даль полетѣлъ;
Не сбылися, какъ сонъ, упованія,
Не избѣженъ несчастный удѣлъ.
При прощаньѣ, какъ тѣнь надъ могилою,
Ты стояла съ поблекшимъ челомъ,
Ты упала на грудь, тебѣ милую,
Ты рыдала на сердцѣ младомъ.
Было тяжко для друга прощаніе,
Но по прежнему милый ласкалъ,
Его стоны, глухія рыданія,
Только вѣтеръ въ степи услыхалъ....
Отуманенъ тоскою глубокою,
Охладѣлъ онъ для жизни душой,
Только помнитъ тебя, одинокую,
И что счастье погибло съ тобой....
Допою ли я пѣсню печальную?
Если сорванъ надежды цвѣтокъ,
Вы не куйте кольца обручальнаго,
А готовьте могильный вѣнокъ.

XXVIII.

ЭЛЕГІЯ.

—

Съ шумящимъ потокомъ, съ весенней волной,
Страдалица очи закрыла;
На вѣки, на вѣки, съ послѣдней борьбой
Сердечныя бури забыла.
Въ минуты томленья, заботы полна,
Кого-то искала очами,
Какое-то имя съ тоскою она
Невнятно шептала устами.
Чье было то имя? понять не могли.
Кого еще видѣть хотѣла?
Но подвигъ оконченъ, и съ грустной земли
Далеко душа улетѣла!
Такъ скоро, такъ рано, едва разцвѣла,
И хладны ужь перси младыя!
Не злая болѣзнь твою жизнь унесла,
Нѣтъ, страсти твои роковыя!...

Давно ли, о Боже, на юныхъ очахъ
Блистали веселья безумныя слёзы?
Давно-ль надъ челомъ, въ твоихъ черныхъ кудряхъ
Дышали весеннія розы,
Какъ въ залахъ роскошныхъ являлася ты?
И вотъ ужь увяла, какъ эти цвѣты!
Къ кому-то ревнуя, о комъ-то рыдая,
Ты быстро въ могилу сошла!...
Но страшная тайна съ тобой умерла.
Прости, до свиданія, тѣнь молодая!

*

Надъ гробомъ подруги, въ раздумьѣ стоя,
Подруга слезы не роняла....
Лишь бѣдная мать надъ усопшей рыдала,
И съ воплемъ на трупъ охладѣлый ея
Безжизненнымъ трупомъ упала;
Лишь кто-то одинъ въ отдаленьѣ стоялъ,
И жарко молился, и долго рыдалъ....
Печально, уныло святые напѣвы
Неслися за тѣломъ усопшія дѣвы.
Они провожаютъ въ загробную даль,
Изъ нашей юдоли къ обители вѣчной,
Куда не доходитъ ни скорбь, ни печаль,
На лоно любви безконечной.

———

XXIX.

ПѢСНЯ.

—

О, какъ сердце вдругъ запало!
Или то была мечта?
Что-жь сдавило, оковало
Задрожавшія уста?
Иль еще страданій мало?
Иль еще мой рокъ зоветъ?
Иль еще въ груди усталой
Буря новая пройдетъ?
Ни погибель, ни могила,
Ни кинжалы, ни позоръ
Никогда-бъ съ такою силой
Не могли смутить мой взоръ.
Такъ давно! Но правда-ль это?
Иль мнѣ льститъ лукавый день?
Предо мной съ нѣмымъ привѣтомъ
Пронеслась она, какъ тѣнь!

*

**

Сколько разъ, ночной порою,
Ты съ улыбкой прошлыхъ дней,
Проносилась надъ главою
Одинокою моей!

XXX.

ОБЛАКО.

—

До̀лу глухо, до̀лу мрачно,—
Всталъ туманъ отъ хладныхъ водъ,
Даль небесная прозрачна,
Необъятенъ звѣздный сводъ!
На полуденной лазури
Вижу облако одно;
Знать, дитя протекшей бури
Тамъ блуждать осуждено,
Чьей же силою гонимо,
Вдаль отъ сѣвера летитъ?
Гдѣ пріютъ для пилигрима,—
Гдѣ свой бѣгъ онъ прекратитъ?
Отчего жъ одинъ, такъ мрачно,
Будто думъ смертельныхъ полнъ,
Онъ явился на прозрачный
Необъятный небосклонъ?...
И зачѣмъ предъ нимъ въ мерцаньѣ
Блещетъ сѣвера звѣда?...

Онъ затмилъ ея сіянье,
И покинулъ навсегда....
Онъ понесся вдоль эѳира,
Омрачая хоры звѣздъ,
Пилигримъ въ пустыняхъ міра,
Въ безконечности небесъ!

*

Но гляди: встаетъ съ востока
Тихо чистая луна,
И серебрянымъ потокомъ
Льетъ сіяніе она;
Куполъ вкругъ нея пылаетъ,
Озаренъ внезапно долъ,
Надъ челомъ ея играетъ
Недоступный ореолъ.
О луна! отъ мірозданья
Не была прекраснѣй ты!
Сколько думъ въ твоемъ сіяньѣ!
Сколько сладостной мечты!
Сколько разъ мое свѣтило,
Сколько разъ со мной она,
Было время, проводила
Ночи чудныя безъ сна!...

*

И они, въ молчаньи ночи,
Быстро, трепетно сошлись,—
И магическія очи
Въ облакъ сумрачный впились.

И стоитъ, какъ очарованъ —
И смотрѣлъ—недвижно онъ,
Будто страстію окованъ,
Бѣглымъ счастьемъ упоёнъ....
Долго-ль? Мигъ одинъ! — Печально
Вотъ ужь снова вдаль помчалъ,
Лишь улыбкою прощальной
Пышный край его сверкалъ....
И глядя на бѣгъ крылатый
По воздушному пути,
Я невольно, будто брату,
Говорю ему: прости!

*

И коня остановляю,
И съ мечтою давнихъ поръ
Я на сѣверъ обращаю
Отуманенный мой взоръ....
О! когда жь туда — въ дорогу?...
Тамъ — прошедшее давно, —
Тамъ безъ надписи такъ много
Мной надеждъ погребено!...
Не сбылись-же! — обманули!...
Только сонъ сердечной бури
Остается навсегда,
Какъ, высоко, тамъ, въ лазури,
Неподвижная звѣзда!

———

XXXI.

ЭЛЕГІЯ.

—

Спокойно все, лишь ярко на лазури
Свѣтила вѣчныя горятъ;
Все спитъ; сомнѣнье лишь не спятъ, —
Не спитъ страстей неистовая буря, —
Чело горитъ. О! въ сердцѣ мысль одна:
Она, она, она мнѣ измѣнила!...
Такъ для чего жь являлась мнѣ она?
Зачѣмъ душа на муки полюбила?...
Волшебница изъ звуковъ и лучей!
Съ благоуханными коварными устами,
Съ кудрями черными, роскошными кудрями,
Съ ланитой блѣдною своей!
О, для чего твердила ты «люблю?»
Зачѣмъ узналъ тебя? Зачѣмъ все это было?
Зачѣмъ, дитя, играя, отравила
Ты юность гордую мою?...

Иль разлюбивъ, что не дала ты яду?
Быть можетъ, я-бъ еще простилъ!
Твой даръ мнѣ-бъ былъ прощальною наградой,
Послѣдней мыслію-бъ онъ былъ.
О, какъ тебя хочу я ненавидѣть,
Какъ ненавижу и.... люблю!

XXXII.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВѢЗДА.

—

Звѣздой любви тебя именовали;
Жрецъ Паѳоса тебя боготворилъ;
И дѣвы юныя восходъ твой выжидали:
Звѣзда надеждъ моихъ, звѣзда младой печали,
Опять твой блѣдный лучъ закатъ осеребрилъ!
Свѣтило тихое любви и вдохновенья,
Законъ мнѣ твой привѣтъ подъ ризою ночей!
И снова темное и грустное волненье
Въ душѣ проснулося моей:
Какъ будто хочетъ вновь понять она значенье
Твоихъ задумчивыхъ серебряныхъ лучей!

*

Звѣзда любви моей, тебя затмили тучи....
Впередъ, хоть безъ надеждъ! — не все же жизнь
взяла:
Да, жизнь,—она могла терзать меня, измучить,
Но задушить покамѣстъ не могла....
Прости, звѣзда любви, прелестное свѣтило!

XXXIII.

ПАЖЪ ГЕНРИХА ВТОРАГО.

Il ne se trouvait qu'un page
Fidèle qui le couvrit de son manteau.

—

Онъ умеръ внезапно. Ужь Генрихъ Второй
Не сядетъ на тронѣ. И годы, и злоба,
И позднія страсти и трудъ боевой,
Сразили.... король уже требуетъ гроба.
Вотъ ночь: пилигримъ, притаяся во мглѣ,
Все видѣлъ незримый: растворена зала;
Тамъ трупъ короля обнаженъ на столѣ;
Лишь кудри на мрачномъ бѣлѣлись челѣ,
И что-то какъ пламя на пальцѣ сверкало;
Толпа же рабовъ между тѣмъ расхищала
Покровы, сосуды, златые бокалы.
И тихо и страшно, въ полуночной мглѣ!
Вдругъ дверь боковая, гремя, растворилась,
Пажъ блѣдный, какъ тѣнь, къ королю подбѣжалъ:

Младое чело его потъ покрывалъ,
Съ плаща и кудрей его влага струилась.
Вотъ рабъ еще перстня съ руки не сорвалъ,
Какъ въ сердце ему пажъ вонзаетъ кинжалъ,
И кровь, какъ фонтанъ, зашипѣвъ, заклубилась!
Толпа разбѣжалась. Все тихо кругомъ!
И юноша, полный смятенья и муки,
Скрестя на груди трепетавшія руки,
Склоняетъ колѣно, поникнувъ челомъ.
Вотъ тихо встаетъ и на трупъ онъ взираетъ,
На бѣлыя кудри надъ грознымъ челомъ;
И съ нѣжной заботой, какъ сынъ надъ отцомъ,
Онъ, скинувши плащъ свой, согрѣтымъ плащемъ
Цѣпенѣющій трупъ покрываетъ.
Прости! повторялъ онъ; но голосъ дрожалъ
И долго съ мольбой и любовью
Пажъ хладную руку владыки лобзалъ.
И вотъ одинокъ у его изголовья,
Онъ духомъ хранителемъ сталъ.
Завоетъ ли вѣтеръ въ готической залѣ,
Иль легкая тѣнь по стѣнѣ пробѣжитъ,
Онъ чутко внимаетъ, онъ зорко глядитъ;
Рука ужь лежитъ на кинжалѣ.

*

Кто-бъ ни былъ!... но послѣ предсмертнаго
стона,
Да смолкнутъ проклятья и крикъ клеветы!

Мой другъ, и на мрачной гробницѣ Нерона,
И тамъ находили заутра цвѣты!...
И, можетъ, одно его сердце любило!
Какъ знать — можетъ, тайно любовь приходила,
Рыдала одна на гробницѣ его....
Прощенье всему, что̀ покрыто могилой!

XXXIV.

МОЛИТВА.

—

Хвала Тебѣ, Творецъ, хвала, благодаренье!
Ты сердце пламенное далъ!
Какъ я любилъ твое прекрасное творенье,
Съ какой слезой Тебя благословлялъ
Я плачу: слезы эти святы;
То дань Творцу отъ сердца моего
За радости мои, за горе и утраты,
По гласу вѣчному закона твоего.
Какъ я любилъ въ твоемъ прекрасномъ мірѣ,—
Какія чувства испыталъ!
Я ликовалъ на свѣтломъ жизни пирѣ,
Тебя, незримаго, въ твореньи созерцалъ;
И падалъ я, зналъ слезы и волненья....
Плоть бренна; но душой парю!
Къ тебѣ любовь моя, къ тебѣ мои волненья.
Благодарю, Творецъ, за все благодарю.

XXXV.

ПѢСНЯ.

—

Пронеслась, пронеслась моя младость,
Навсегда она сномъ унеслась,
А твоя свѣтлоокая радость —
Твоя юность едва началась!

*

Ты, дитя, — но опасныхъ волненій—
Знаю — грудь молодая полна,
Не зови, не готовь откровеній:
Мнѣ безъ словъ твоя тайна ясна.

*

Не зови, не готовь откровеній!
Мы не властны догнать, воротить
Пролетѣвшихъ далекихъ мгновеній,
И заставить вновь сердце любить!

*

Если жь быстро, средь радости шумной,
Сердце вспыхнетъ потухшее вновь, —
Ты не вѣрь моей клятвѣ безумной:
То минутный порывъ — не любовь!

*

На минуту веселье обманетъ,
Его снова подавитъ тоска:
Такъ осеннее солнце проглянетъ,
И закроютъ его облака.

*

Омрачу ли удѣлъ твой прекрасный?
Я — какъ дубъ, опаленный грозой:
Для чего жь его нѣжно и страстно
Обвивать тебѣ, плющъ молодой?

XXXVI.

СТЕПЬ.

—

Какъ мчался ты, конь добрый мой!
Изъ душныхъ городовъ.
Ты выносилъ меня стрѣлой
На свѣжій злакъ луговъ!
И вотъ далеко отъ людей
Какъ бурно я воскресъ!
Взоръ быстрый обнялъ даль степей,
Весь синій сводъ небесъ,
И кто, мой конь, догонитъ насъ,
Кто мчится насъ быстрѣй?
О! кто бъ постигнулъ въ этотъ часъ
Восторгъ души моей?
Она была утомлена
Страдала долго такъ....
Но вотъ — могуча и вольна,
Ей сладостно въ степяхъ!

Ахъ! еслибъ вѣчно мчаться могъ
Въ ту даль, гдѣ взоръ исчезъ,
Туда, туда, гдѣ только Богъ,
Да степь, да сводъ небесъ!

XXXVII.

ТѢНИ ИЗЪ РОБЕРТА ДІАВОЛА.

(Фантазія *).

—

Вотъ сквозь облако прозрачное
Мѣсяцъ долъ осеребрилъ.
Покидайте, тѣни мрачныя,
Ложе хладное могилъ!
Грозной силой заклинанія,
Въ роковой полночный часъ,
Изъ гробовъ для ликованія
Вызываю, дѣвы, васъ!
Васъ отвергли небожители,
Ваша жизнь была грѣшна;
Пронеслась она въ обители,
Буйныхъ радостей полна…

*) Чтобъ объяснить нѣкоторыя слова въ этомъ стихотвореніи, надобно вспомнить, что въ «Робертѣ Діаволѣ» говорится объ одной обители, которой отшельницы всѣ предались пороку.

Не Пречистую молили вы
О блаженствѣ въ небесахъ:
Жаркихъ юношей манили вы
И ласкали на грудяхъ.
И на ложе сна въ молчаніи
Вы влекли младыхъ друзей;
Только слышались лобзанія
Въ тайномъ сумракѣ ночей.

Вотъ сквозь облако прозрачное
Мѣсяцъ долъ осеребрилъ.
Покидайте-жь, тѣни мрачныя,
Ложе хладное могилъ!

Вотъ и тѣни появилися,
Вьются кудри по плечамъ,
Въ буйной пляскѣ закружилися,
Понеслися по гробамъ.
Въ адскомъ воѣ, въ дикой радости
Узнаю я, дѣвы, вновь
Туже жизнь безумной младости,
Туже грѣшную любовь.

II.

1840 — 1856.

XXXVIII.

ЭЛЕГІЯ.

—

Когда душа скорбитъ, а сердце безъ желаній,
И грустно юноша глядитъ на шумный свѣтъ,—
Вся жизнь, весь рай его въ странѣ воспоминаній
И для него грядущаго ужъ нѣтъ.
При громкой радости торжественнаго пира
Лишь онъ одинъ безъ пѣсень, безъ кумира,
И, гордый, предъ толпой страданія таитъ;
Съ презрѣньемъ смотритъ онъ, на радость, на волненья,
Но въ память прошлыхъ дней, любви и упоенья,
Слеза тяжелая неслышимо бѣжитъ!

XXXIX.

ВОСПОМИНАНІЕ.

—

Не спрашивай, чего мнѣ стало жаль,
Что̀ грустію мнѣ память омрачило!
Мой другъ, тоска пройдетъ, какъ прежде проходила, —
Я вспомнилъ дѣтскихъ лѣтъ волнующую даль,
Несвязную, но сладостную повѣсть,
Весеннихъ дней моихъ волшебный, свѣтлый сонъ.
Мнѣ стало жаль его!—Давно исчезъ ужь онъ....
Укоромъ возстаетъ тоскующая совѣсть....
Нашъ старый домъ, нашъ бѣдный городокъ,
И темные лѣса, и бурный мой потокъ,
И игры шумныя, и первое волненье —
Все живо вновь въ моемъ воображеньи....
Вонъ домъ большой чернѣетъ надъ горой,
Заря вечерняя за лѣсомъ потухаетъ,

Кругомъ все спитъ, — лишь робкою рукой
Она окно свое для друга открываетъ!...
Луна взошла, зари ужь нѣтъ давно,
А я смотрю, влюбленный, на окно!...

XL.

ОНА.

—

Я трепетно глядѣлъ въ агатъ ея очей:
Тамъ цѣлый міръ любви, подъ влагой сладо-
страстья, —
И, полный прежнихъ думъ, тревоги и участья,
Я грустно любовался ей.
Я думалъ: чудное созданье,
О геній чистой красоты,
Какой судьбой сюда, въ юдоль изгнанья, —
Съ какихъ небесъ явилась ты?
Кипитъ вокругъ тебя младое поколѣнье,
Тебѣ назначено владѣть судьбой сердецъ,
Передъ тобой возвышенный пѣвецъ
Съ мольбою совершитъ колѣнопреклоненье
И съ гордаго чела отдастъ тебѣ вѣнецъ;
Младой герой — краса и ужасъ боевъ,
Упившись пламенемъ чарующихъ очей,
Забудетъ лавръ — кровавый лавръ героевъ,

Войну, коня и шумный кругъ друзей;
И юноша, алкающій познаній,
Съ челомъ возвышеннымъ и полнымъ строгихъ
думъ,
Вперившій въ тайны мірозданій
Всеиспытующій свой умъ, —
Узрѣвъ, прекрасная, тебя передъ собою,
Постигнетъ сердцемъ онъ источникъ бытія,
Благословитъ Творца высокою хвалою,
И будетъ для него пророческой звѣздою
Душа невинная твоя.
Но милый цвѣтъ потеряннаго рая,
Зачѣмъ ты здѣсь созданье красоты?...
Увы! въ юдоли слезъ, мгновенно разцвѣтая,
Мгновенно вянутъ всѣ прекрасные цвѣты!...

XLI.

ОКТЯБРЬСКІЙ ДЕНЬ.

—

Октябрьскій день, но чудная природа!
Звучитъ кристаллъ днѣпровскихъ синихъ водъ;
Повѣялъ жаръ съ лазореваго свода,
По улицамъ вездѣ шумитъ народъ, —
Открытъ балконъ, забыта непогода —.
И музыка, и громкій хороводъ.
Природа-мать зоветъ на пиръ богатый,
Хоть тополь безъ листовъ, цвѣтокъ безъ аро-
мата.

*
* *

Сынъ сѣвера, съ унылою душою —
Стремлюсь и я покинуть свой пріютъ,
Грудь оживить воздушной теплотою,
На сводъ небесъ съ отрадою взглянуть,

Смѣшаться вновь съ веселою толпою,
Вновь весело у жизни отдохнуть.
Вчера была гроза осенней непогоды,
А нынѣ блещетъ май полуденной природы.

***

Но отъ-чегожь ты, спутникъ безотрадный,
За мной какъ тѣнь, незванная печаль?
Проснулась ли съ утратой невозвратной
Безумныхъ лѣтъ темнѣющая даль?
Иль вдругъ весны минувшей, ароматной,
Полуденной весны мнѣ стало жаль?
Я живо вспомнилъ май: садъ ароматомъ вѣетъ,
Русалка въ камышахъ и тополь зеленѣетъ....

***

И гдѣ-жь опять? и встрѣчусь ли съ весною
Грядущею? На выси-ль крымскихъ горъ,
Надъ моремъ ли, надъ свѣтлою-ль Невою
Обрадуетъ она мой грустный взоръ?
Или мнѣ спать сномъ вѣчнымъ подъ землею,—
Жизнь пролетитъ, какъ быстрый метеоръ,
Какъ звукъ пустой?... О дай же духомъ жад-
нымъ,
Дай, я упьюсь теперь мгновеніемъ отраднымъ!

***

Не такъ ли, другъ, когда промчится младость,
И опадетъ надеждъ невѣрный цвѣтъ,
Когда до дна изсякнетъ жизни сладость
И мы стоимъ на поворотѣ лѣтъ,

И дѣвушка веселая какъ радость,
Напомнитъ вдругъ намъ призракъ юныхъ лѣтъ,
И въ осень дней блеснетъ знакомымъ маемъ,
Не такъ ли снова мы и любимъ и страдаемъ?

XLII.

ТОСКА.

—

Возьмите все, святыя неба силы,
Но дайте мнѣ прошедшее назадъ!
О! день одинъ, за цѣну всѣхъ наградъ,
Хоть часъ одинъ изъ жизни давней, милой!
Неболѣ — часъ! я только часъ прошу.
Потомъ тяжелую веригу наложу,
И самъ свою я вырою могилу,
И лягу въ гробъ — за часъ, за часъ одинъ....
О внемлите ли вы, святыя неба силы?

———

XLIII.

ВЕСЕЛАЯ ПѢСНЯ.

—

Подай намъ скорѣе вина и бокалы!
Вина и бокалы сюда!
Забудемъ же, дѣва, о жизни бывалой,
Забудемъ о ней навсегда!
Пусть вьются надъ нами круги голубые,
Пусть льются, запѣнясь, струи;
Бокалъ мой за страсти твои молодыя,
За черныя кудри твои....
Склонясь на твое трепетавшее лоно,
Какъ грудь отдыхала моя!
Ты — пальма пустыни, ты — островъ зеленый
Въ печальныхъ волнахъ бытія, —
Гдѣ, можетъ, судьбой не отъято одно:
Ты смуглая дѣва, да это вино....
Какъ я отнималъ твои дерзко одежды,
Какъ легкій твой станъ обнажалъ —

Такъ рокъ мой отъ сердца младыя надежды
Далеко и быстро умчалъ!...
Ни слова! Наполнимъ же снова бокалы,
Ко мнѣ, моя дѣва, — сюда!
Ни слова! Забудемъ о жизни бывалой,
Забудемъ о ней навсегда!

XLIV.

ПѢСНЯ.

—

Ужь я съ вечера сидѣла,
Призадумавшись, —
Въ зелены луга глядѣла,
Пригорюнившись.
Груди бѣлыя, высокія —
Что листъ дрожатъ;
Знать мила-друга далекаго
Всю ночь прождать....
Какъ хорошъ душа голубчикъ! —
Не старикъ — борода,
Молодой у́далой купчикъ
Изъ Нова-города!
Я травою шелковою
Устелю крыльцо,
Я водою ключевою
Освѣжу лицо.

Шопотъ въ полѣ раздается....
Замеръ духъ во мнѣ!
Это онъ — мой свѣтъ несется
На лихомъ конѣ.
Вижу: шляпой мнѣ махаетъ,
Соскочилъ съ коня,
Онъ цѣлуетъ, обнимаетъ,
Какъ огонь меня.

. . . .
. . . .

XLV.

ПРОСТИ НАВСЕГДА.

—

Прости! ужь парусъ на волнахъ;
Блѣднѣютъ звѣзды въ небесахъ;
Лепечетъ тополь съ камышами;
Пронесся гулъ надъ островами!

***

Гляжу на милыя черты:
Зачѣмъ рыдаешь, ангелъ, ты?
Я твердость духа всю утрачу,
И я, какъ женщина, заплачу.

***

Здѣсь безъ надеждъ я долго жилъ,
Мой міръ давно ужь безъ свѣтилъ,
Въ тьмѣ бытія передо мною
Была послѣдней ты звѣздою.

***

Еще твою цѣлую грудь
И очи — въ тяжкомъ упоеньи....
Прости на вѣкъ! Одно моленье:
Скорѣй, скорѣй меня забудь!...

XLVI.

СТАНСЫ КЪ ДЕЗДЕМОНѢ.

—

О ты-добра, ты — ангелъ доброты!
Ты—гурія прелестная Корана,
Ты—нимфа водъ, ты—чудо красоты,
И тѣни нѣтъ въ душѣ твоей обмана!

*
* *

Ты искренна. Чтожъ сердце такъ болитъ?
О, для чего такъ пламенно желаешь?...
Твоя любовъ такъ страшно обольститъ,
Но, какъ волна, ты быстро покидаешь.

*
* *

Въ груди твоей, роскошной, огневой
(Она свѣжѣй, чѣмъ водъ пустынныхъ пѣна)
Гдѣ вѣетъ рай, есть демонъ роковой
Онъ проситъ жертвъ, восторговъ, перемѣны!

*
* *

Когда гроза неслася надо мной,
И я стоялъ съ открытой головою,
Я не поникъ, не дрогнулъ подъ грозой,
Я думалъ: все любимъ еще тобою.

***

И знаешь ли, съ волненіемъ какимъ
Я послѣ бурь къ тебѣ, моя лилея,
Спѣшилъ, летѣлъ, разлукою томимъ,
Входилъ къ тебѣ, пылая и блѣднѣя?

***

Волшебница! мой взоръ *его* искалъ....
Но ты къ *нему* волненій не таила!
Хотѣлъ тогда.... Нѣтъ, я тогда узналъ,
Узналъ одно, какъ мало ты любила!

***

Узналъ одно.... Къ чему упреки здѣсь?
Вы въ прахъ, мои цвѣтущія надежды!
Перенесу.... Чего не перенесть?
Не въ первый разъ... Перенесу, какъ прежде.

***

Съ душой, къ бѣдамъ привыкшею давно,
Смотрю сквозь слезъ на новую утрату:
Все что любилъ, что сердцу было свято,
Все мнѣ на мигъ, на мигъ одинъ дано....
Прости, прости!...

**

XLVII.

Ave Maria.

—

Колѣнопреклоненъ, съ смятеннымъ сердцемъ я
Привѣтствую Тебя, Владычица моя!
Къ святымъ отшельникамъ въ печальныя пустыни
Являлась, Матерь, ты во время ихъ кончины;
И схимникъ въ трепетѣ блаженства умиралъ,
И мертвый ликъ его невѣдомымъ сіялъ. . . .
Небесъ Владычица! Услышь мое моленье:
Да загоритъ и мнѣ звѣзда преображенья,
Да духомъ скорбнымъ я возстану, укрѣплюсь,
Да предъ Тобою вновь и плачу и молюсь,
Вдали отъ пристани, средь новыхъ треволненій,
Я сердце сохраню отъ ранъ и заблужденій.
Привѣтствую Тебя — на свѣтлыхъ небесахъ,
Съ душой измученной, съ слезами на очахъ!

———

XLVIII.

ВЕЧЕРЪ.

—

Я каждый разъ не весело встрѣчаю
Заботы мелкія и шумъ докучный дня,
И только съ сумракомъ я снова оживаю —
Въ ночи есть тайная отрада для меня.
Люблю я часъ, какъ тихо надъ зарею
Звѣзда вечерняя на западѣ горитъ,
И быстро облако — подъ твердью голубою
Куда-то вдаль отъ сѣвера летитъ,
Когда въ тиши свѣчъ робкое сіянье,
И неба полуствѣтъ и все — на сердце вдругъ
Навѣетъ долгое, глубокое мечтанье. . . .
Порою задрожитъ слеза воспоминанья, —
И книга падаетъ изъ рукъ.

XLIX.

ПѢСНЯ.

—

Ты долго-ль цвѣтущей долины хранитель,
Могучій и гордый, мой дубъ, разцвѣталъ?
За что-жь и давно ли перунъ сокрушитель
Изъ темныя тучи на дубъ мой упалъ?

***

И долго-ль съ любимой долины туманы
Надъ мрачной главою печально вились?...
Закрылись твои исполинскія раны,
Но тяжкіе годы съ тѣхъ поръ пронеслись!

***

Долина какъ прежде блистаетъ красою,
Въ долинѣ надъ розой поетъ соловей....
Но ты не покрытъ ужь зеленой чалмою —
Любовникъ долины, у звонкихъ ключей....

***

Зачѣмъ же порой, какъ по дальней лазури
Нежданно перунъ пробѣгалъ, —
На голосъ знакомый враждебныя бури
Ты глухо, но тяжко стоналъ?

***

Пойметъ ли меня легковѣрная дѣва?
Иль сны позабыты съ улыбкою дня?
Когда-то подъ звуки другаго напѣва
Она и клялась и ласкала меня.

———

L.

ВИДѢНІЯ.

—

Ея ужь нѣтъ! Въ таинственной долинѣ
Исчезли легкіе слѣды.
Но гдѣ же ты? О гдѣ же нынѣ,
Печальный геній красоты?
Куда ушла? Откуда приходила,
Съ красой безъ имени и съ тайной на устахъ?
Ни звуки, ни рѣзецъ тебя не уловили, —
Ты вся сокрылась въ небесахъ!
Блаженъ въ юдоли слезъ, кому судьба, ласкaя,
Какъ лучшій жизни даръ — узрѣть ее дала;
Печальная она, въ красѣ своей сіяя,
Какихъ-то дивныхъ сновъ царицею была;
И буря жизни, пролетая,
Эдема розу берегла....
Въ послѣдній разъ, прощаяся съ землею,
Она безмолвная стояла на скалѣ;

И длинны локоны подъ дымной пеленою
Отражены въ обманчивомъ стеклѣ;
Какъ зыбкая струя летучаго тумана,
Высокій станъ мелькалъ на влагѣ океана.
Чего же взоръ тоскующій искалъ,
Гдѣ солнца лучъ надъ бездной догоралъ?
За чѣмъ же ты со стономъ и мольбою
Вдругъ повела туда прозрачною рукою?
О чемъ же плакалъ ты, мой свѣтлый сера-
фимъ?...

LI.

ЭЛЕГІЯ.

—

При сильныхъ страданьяхъ, при ѣдкой печали,
Когда же вы слезы мои замѣчали?
Когда же я плакалъ, стеналъ, иль роптàлъ?
Быть можетъ, — то правда, — надъ свѣжей могилой,
Привлекши меня роковой своей силой —
За жертву я жизнь вопрошалъ.
Быть можетъ, какъ матерь надъ сыномъ стонала
И съ воплемъ во гробѣ его цѣловала,
Отецъ же съ печалью нѣмою глядѣлъ, —
Я плакалъ, я слезъ удержать не умѣлъ;
Быть можетъ, изъ сердца разъ вырвались стоны,
При тихомъ стенаньи другой Дездемоны:
Но все о себѣ же я слезъ не пролью,
Но я нераздѣльно снесу мое горе, —

Пусть воетъ, пусть вырветъ житейское море
Мой парусъ послѣдній и топитъ ладью!...
Когда-то въ другіе, безумные годы,
Въ порывахъ стремительныхъ силъ —
Я смѣло сзывать на главу непогоды,
Мятежныя бури любилъ!

LII

БАБУШКА.

—

Много ѣзжу я по свѣту —
То забавенъ, то угрюмъ, —
И чего, друзья, поэту
Не прійдетъ подъ-часъ на умъ:
То волшебныя картины
Дальней, милой стороны,
То гроза моей судьбины,
То несбывшіеся сны.
Но всѣхъ болѣе люблю я.
Дѣтство бѣдное мое,
Съ сладкой грустію бужу я
Стародавнее житье.
Вотъ за рощей, съ колокольни —
Съ бѣдной, старой — слышенъ звонъ;
Вотъ народъ нашъ богомольный
Въ храмъ спѣшитъ со всѣхъ сторонъ.

Утро тихо, небо ясно,
Весь въ цвѣтахъ знакомый лугъ.
Мы идемъ, я (въ курткѣ красной),
Въ церковь съ бабушкой самъ-другъ.
И старушка говорила:
«Какъ была я молода
Также съ бабушкой ходила —
Въ эту-жь церковь я тогда.
Сколько лѣтъ она въ могилѣ!
Долго жить мнѣ Богъ привелъ, —
И ужь жизнь мнѣ черезъ силу,
Мой ужь вѣкъ за вѣкъ зашелъ.
Много горя я узнала,
Мало счастья въ жизнь мою....
Вотъ и внука увидала —
Буйну голову твою.»
Я и слушалъ и дивился....
Но минуту чуть спустя,
Я въ лугу уже рѣзвился —
Своенравное дитя.
Много ѣзжу я по свѣту
То забавенъ, то угрюмъ —
И чего, друзья, поэту
Не прійдетъ подъ часъ на умъ!

———

LIII.

ВРЕМЯ.

—

Время, летучее время,
Кто остановитъ, губитель, тебя?
Ты неподкупно, ты неподвластно,
Вѣчный властительный генiй мiровъ!

. . . .

. . . .

Мiры родились, разцвѣли предъ тобою,
И ты указалъ имъ долины гробовъ!
И снова ты, хладный, ведешь поколѣнья
И пальма выходитъ изъ желтыхъ костей,
И юная прелесть и сынъ вдохновенья,
Блистаютъ и гибнутъ по волѣ твоей.
Я видѣлъ — могучiй боролся съ тобою,
И мiръ трепеталъ при ужасной борьбѣ,
Твой громъ разразился надъ смертной главою;
Но въ славномъ изгнаньи, надъ дальней скалою,
Герой улыбался съ презрѣньемъ тебѣ.

—

LIV.

КЛАРА МОВРАЙ. *)

(Посвящено Е. А. Карлгофъ).

—

Кто скачетъ, кто мчится на бѣломъ конѣ
Нагорной, опасной тропою?
Кто блѣдная дѣва — при блѣдной лунѣ,
Съ блуждающимъ взоромъ, съ поникшей главою?
Ей горы — знакомы; ей полночь какъ день;
Конь добрый не знаетъ удара.
Кто-жь призракъ печальный? кто блѣдная тѣнь? —
То мчится безумная Клара.

*

Надъ ликомъ могильнымъ сіяетъ луна....
О Боже! какъ страсти ей долго играли!...
Но все еще чудно-прекрасна она,
Хоть взоры потухли, ланиты завяли!

---

*) Это стихотвореніе написано послѣ чтенія романа Вальтеръ Скотта: Сенъ-Ронанскія воды.

(Кіевлян. 1840 года).

Но флеръ погребальный надъ блѣднымъ челомъ,
Порывисто черныя кудри летаютъ.
О бѣдная Клара! все тихо кругомъ,
Все тихо.... что-жь муки твои не стихаютъ?

*

Вотъ — пристально, дико на горы глядитъ;
Тамъ что-то припомнить желаетъ;
Какое-то тайное имя твердитъ;
Вотъ смотритъ на небо; вотъ глухо рыдаетъ.
Да, бѣдная Клара безумна давно;
Мятежная страсть погубила;
И въ памяти смутной спаслось лишь одно,
Что сердце здѣсь разъ полюбило....

*

На этихъ горахъ дожидался твой другъ;
Ты здѣсь ему клятвой клялася;
Забыть ли? лишь полночь, — ты тайно, какъ духъ,
Къ нему на свиданье неслася;
И милаго друга ласкала, звала
На страстное, вѣрное лоно;
И, горная роза, ты чудно цвѣла....
А нынѣ — кто, Клара, сочтетъ твои стоны?

*

Шесть лѣтъ ужь промчалось въ разлукѣ ужасной.
И сердце разбито, и жизнь отцвѣла!

Могила, могила, для Клары несчастной
Могила одною надеждой была!—
Кто-жь это? Иль тѣни свой міръ покидаютъ....
Какъ? тотъ, кого сердце невластно забыть!...
О, нѣтъ! такъ жестоко судьбы не караютъ....
Нѣтъ! такъ не могло-бъ Провидѣнье судить!...

*

Ужели? о Боже великій! Ужели?
Но нѣтъ, невозможно.... нѣтъ Клара, то сонъ!
Какъ? здѣсь еще.... въ жизни увидѣть Тирреля?
Какъ? юноша грустный—ужели то онъ?...
То онъ!... Повода, задрожавъ, покидаетъ;
И руки скрестивши, на друга глядитъ;
Могильная блѣдность въ лицѣ выступаетъ,
Уста ея сжаты—и долго молчитъ....

*

И спишь ты, прекрасная, въ ранней могилѣ!
Безвременно бури сошлись надъ тобой;
Безжалостно люди тебя погубили....
Да будетъ же сладокъ твой вѣчный покой!...
А другъ?... Его грозное море умчало....
Но ты навсегда унесла его рай,
Ты, бѣдная Клара, безумная Клара,
Злосчастная Клара Моврай!

———

LV.

ИЗВѢСТІЕ.

—

Мнѣ говорятъ: она какъ тѣнь пуглива,
Бѣжитъ отъ юношей, блѣднѣя, день за днемъ;
Въ кругу подругъ, горда и молчалива,
Стоитъ одна съ поникнутымъ челомъ.
Мнѣ говорятъ: ея живые взоры
Кого-то часто ждутъ, потопленные въ даль;
И на устахъ порой молитва и укоры,
А на челѣ младомъ забота и печаль:
Съ улыбкой грустною качая головою,
Ревниво стонъ прекрасная таитъ, —
Иль подпершись задумчиво рукою,
На дальній путь сквозь слезъ она глядитъ....
Мнѣ говорятъ: во мракѣ полуночи
Какой-то вопль слетаетъ съ ложа сна,
И долго, долго плачутъ очи,
Рыдаетъ бѣдная она;

Разбросивъ локоны, сдавивъ чело рукою,
Такъ блѣдная сидитъ, недвижима, какъ тѣнь,—
И все для ней равно: надъ жаркой головою
Луна-ль блеститъ, иль свѣтитъ новый день.
Есть на груди письмо съ завѣтными словами,
Ихъ гордый юноша, прощаясь, начерталъ,
Когда, отъ ней отторгнутый судьбами,
Онъ безнадежно въ даль тоску свою умчалъ...

LVI.

МЕТЕЛЬ.

—

Поздно. Стужа. Кони мчатся
Вьюги бѣшеной быстрѣй.
Ахъ! когда-бы намъ добраться
До ночлега поскорѣй!
У! какъ въ полѣ темно, блѣдно.
Что за страшная метель!
И далекъ ночлегъ мой бѣдной —
Одинокая постель.

* * *

Мчуся. Грустно. Злится вьюга
По бѣлѣющимъ полямъ;
И душевнаго недуга
Я постичь не въ силахъ самъ.
То прошедшее-ль съ тоскою
Смутнымъ чувствомъ говоритъ?
Иль грядущее бѣдою
Мнѣ нежданною грозитъ?...

* * *

Пусть все сгибло въ раннемъ цвѣтѣ, —
Рокъ мой мраченъ и жестокъ;
Сладко думать мнѣ: на свѣтѣ
Есть блаженный уголокъ....
И въ полуночи глубокой,
Какъ спѣшу къ ночлегу я,
Можетъ — ангелъ одинокой
Молитъ небо за меня....

LVII.

СТАНСЫ К***.

—

Ты помнишь ли послѣднее свиданье?
Въ аллею липъ велѣла ты прійдти....
Дала одно безмолвное лобзанье
И безотрадное «прости».

***

Твой смутный взоръ, поблекшія ланиты;
Твой слабый стонъ мнѣ душу растерзалъ,
Какъ я, двойнымъ отчаяньемъ убитый,
Въ послѣдній разъ тебя лобзалъ.

***

Несчастный другъ, увы! во мракѣ ночи
Я и теперь съ слезами помню вновь
Твой дальній край, потупленныя очи,
Твою безмолвную любовь,

***

Аллею липъ съ шумящими вѣтвями,
Гдѣ мы на вѣкъ разсталися съ тобой, —
И твой вуаль надъ черными кудрями,
И какъ вдали махнула ты рукой....

LVIII.

ФЛЕЙТА.

—

Звуки флейты одинокой
Пронеслися въ вышинѣ,
Разбудивъ въ душѣ жестоко
Время, памятное мнѣ.

***

Подъ другими небесами
Мы внимали имъ порой,
Надъ зелеными холмами
Вмѣстѣ съ панной молодой.

***

И блѣднѣя, и пылая,
Ка̀къ страстей была полна
Ты, Литвинка молодая,
Пана стараго жена!

***

Какъ алкали тайной встрѣчи....
Какъ воздушна ты была!
Станъ и мраморныя плечи
Легкой шалью обвила....

***

Оттѣнялъ, какъ флеръ могильный,
Панны блѣдное лицо
Локонъ черный, локонъ длинный,
Локонъ, свившійся въ кольцо.

———

LIX.

СОСѢДИ.

—

Какъ я радъ, что иностранцы
Поселилися у насъ,
Что̀ за пѣсни, за романсы,
Что за̀ танцы каждый часъ!
Старый По̀лякъ, панъ вельможный,
Выѣзжаетъ, чуть лишь день, —
Усъ сѣдой, крутя безбожно,
Вздѣвши шапку на бекрень.
Кунтушъ синій, съ закидными
Рукавами за спиной,
Свитъ цѣпями золотыми,
Полы блещутъ бахрамой;
Жупанъ алый изъ суэта,
Въ сто червонцевъ тканый пасъ, —
По̀лякъ въ краковской каретѣ
Разъѣзжаетъ на-показъ;

Ногу панскую сжимаетъ
Шитый золотомъ сафьянъ.
Такъ по Кіеву гуляетъ,
Усъ крутя, вельможный панъ.

***

Но когда бъ, друзья, вы знали,
Чтò за панья у него!
Вы прелестнѣй не встрѣчали,
Не встрѣчать вамъ ничего!
Какъ магически блистаютъ
Чудно-нѣжныя черты!
У нея благоухаютъ
Ароматные цвѣты;
У нея порой изъ оконъ
Лунной ночью, въ темный садъ
Блещетъ ручка, вьется локонъ,
Очи дивныя глядятъ....
У нея ль, у милой паньи,
Все банкеты, да пиры,
Все музыка и собранья
До полуночной поры.
Разъ, я панью молодую
Встрѣтя, розу ей сорвалъ....
«Барзо пана я дзенькую!» (*)
Милый голосъ прозвучалъ.

(*) Покорно благодарю пана.

А вчера ужь я встрѣчаю —
Крѣпко ручку паньи сжалъ....
«О! цо робитъ панъ!» внимаю —
Милый голосъ мнѣ шепталъ.

LX.

ПѢСНЯ.

—

Взгляни на тучу! Слышишь громъ?
Она несется къ намъ воздушною страною!
Люблю ее, мой другъ, на небѣ голубомъ,
Люблю встрѣчать ее съ тобою!

***

Съ тобой одной, съ тобой!... О, милый другъ!
Какъ ты меня лобзаньями живыми, —
Ее сманилъ волшебный, знойный югъ
Лазурью темною, волнами голубыми....

***

Какъ мраченъ Днѣпръ въ зеленыхъ берегахъ!
Вотъ тополи, дрожа, залепетали,
А чайки бѣлыя, мелькая въ камышахъ,
Протяжно, звонко закричали.

***

Взгляни жь на тучу!... Слышишь громъ?
Она несется къ намъ воздушною страною!
Люблю ее, мой другъ, на небѣ голубомъ,
Люблю встрѣчать ее съ тобою!

LXI.

7 ЯНВАРЯ.

—

Тоска души, тоска неутолимая!
Зачѣмъ забвенье не дано?
Зачѣмъ вставать съ упрекомъ, тѣни милыя?
Вѣдь я оплакалъ васъ давно....
　　Вѣдь я давно за все цѣной страданія
　　Годами муки заплатилъ, —
　　Вѣдь я-жь давно безумныя желанія
　　Въ безумномъ сердцѣ заглушилъ....

———

LXII.

АНЕКРЕОНЪ.

—

Онъ былъ сѣдой, веселый старичокъ;
За чашею забавный грѣховодникъ.
Любилъ онъ дѣвъ и юношей кружокъ,—
Любовь имъ пѣлъ — ихъ вѣчный хороводникъ.

На старости потѣшникъ дѣвъ младыхъ, —
Онѣ его лукаво цѣловали,
Его чело гирляндой розъ живыхъ,
Плющомъ и лавромъ обвивали,

Твердя ему: «ты старъ Анакреонъ!»
Безъ памяти проказника любили, —
И пѣсни тѣ, что̀ пѣлъ шалуньямъ онъ,
На память музы затвердили.

LXIII.

* * *

—

Скучны, други, подъ шатрами
Кочевые ваши дни:
И тоскою, и дождями
Отуманены они.
Не привыкнувъ къ вашей долѣ,
Средце сжалось и груститъ;
Какъ уныло въ дикомъ полѣ
Небо сѣрое глядитъ!
Сыро стелятся туманы,
Потянулись журавли
И вставать подъ барабаны
Съ первымъ проблескамъ зари.—
Своенравными судьбами
Я къ вамъ въ гости занесенъ,—
И подъ легкими шатрами
Кочевать здѣсь осужденъ.

Но люблю порой, въ палаткѣ
Помѣстившись между васъ,
О войнѣ, о жаркой схваткѣ
Слушать воина разсказъ.
Есть забвенье въ этой долѣ!
Душенъ воздухъ городовъ!
Мнѣ отраднѣй въ дикомъ полѣ
Кровля легкая шатровъ, —
Веселѣе мнѣ съ зарею
Встрепенуться и вскочить,
И холодною росою
Сонны очи освѣжить, —
И встрѣчать съ живымъ волненьемъ
Грохотъ пушекъ вѣстовыхъ;
Ратей грозное движенье,
Ржанье коней боевыхъ!

LXIV.

РАЗУВѢРЕНІЕ.

—

Съ единой памятью былаго упоенья
Я жилъ одинъ, въ тиши далеко отъ людей;
Передо мной вились минувшія видѣнья, —
Но тихъ былъ міръ подавленныхъ страстей.
Явились вы съ невинной простотою,
Съ знакомою улыбкой на устахъ,
Съ внезапной радостью, съ какою-то тоскою,
Съ какой-то тайною въ задумчивыхъ очахъ.
Вашъ чудный взоръ такъ полонъ былъ душою.
Такая искренность въ младенческихъ рѣчахъ!
И я воскресъ для новыхъ обольщеній,
Я васъ преслѣдовалъ, я жаждалъ вашихъ словъ,
Молилъ у васъ сердечныхъ откровеній —
И чувству нѣжному предаться былъ готовъ....
Бѣгите-жъ прочь моихъ обманчивыхъ волненій!
Не вѣрьте мнѣ! все это не любовь.

Нѣтъ, внемля вамъ, я вмѣстѣ помнилъ стоны,—
Я помнилъ садъ, прощальный, долгій взоръ....
Другой, покинутой, далекой Дездемоны;
Во тьмѣ ночей мнѣ слышался укоръ....

LXV.

ПѢСНЯ.

—

Ахъ, ты мать моя, змѣя — мачиха!
Ты не бей меня, не позорь меня!
Я пойду гулять, разгуляюся, —
Съ молодымъ купцомъ повидаюся,
И пойду гулять, наряжу себя,
Уберусь ли вся по-бывалому:
Въ косу длинную, въ косу русую
Заплету — вотъ такъ — ленту алую;
У меня ль, младой, грудь высокая,
Глаза черные съ поволокою.
На бѣлòй груди жаръ-кольцо горитъ....
Ахъ, подруженьки! вы не слышали,
Какъ въ глухую ночь, въ темной горницѣ,
Мать зарѣзала добра молодца,
Деньги вынула, полы вымыла....
Чтò ты бьешь меня? что ты мучаешь?

Я пойду къ нему, полечу къ нему,
Завернусь въ туманъ вмѣстѣ съ мѣсяцемъ....
Что̀-жь ты блѣденъ такъ въ бѣломъ саванѣ?
Я пришла къ тебѣ, какъ ты самъ велѣлъ....
Видишь, мѣсяцъ ужь ходитъ на небѣ,
А въ сыромъ бору соловей запѣлъ.

LXVI.

МЕЛОДІЯ.

—

Мнѣ снится вдругъ — и запахъ розъ,
И зелень свѣтлая березъ,
Прохлада утра, плескъ ручья,
Въ дубравѣ пѣнье соловья, —
Старинный домъ, знакомый домъ,
Все тѣжь ракиты надъ прудомъ.
Мнѣ снятся милыя черты
Во блескѣ прежней красоты;
Кудрями черными облитъ
Цвѣтъ блѣдно-матовыхъ ланитъ, —
И будто долго, какъ тогда,
Цалую блѣдныя уста....
Вотъ будто молодъ сталъ я вновь,
И вѣрю въ счастье и въ любовь;
И будто снова долженъ я
На вѣкъ покинуть тѣ края....

—

**

LXVII.

МЕЛОДІЯ

—

Подруга тайная, на вѣчную разлуку, —
Когда я покидалъ долины южныхъ странъ —
Литвинка милая, полна сердечной муки
Вручила мнѣ тебя, завѣтный талисманъ!
Ты–не браслетъ съ руки, не перстень обручальный,
Не цѣпь, не медальйонъ въ оправѣ золотой, —
Безцѣнный даръ любви, мой талисманъ печальный,
Храню, какъ жизнь, тебя я, локонъ шелковой!
Бывало, какъ змѣя, въ часъ ночи араматной,
По блѣдному челу неслышно ты скользишь....
Теперь, товарищъ мой въ судьбѣ моей превратной,
Ты сердце хладное ревниво сторожишь. . . .

———

LXVIII.

МЕЛОДІЯ.

—

Не пышный катафалкъ раскинутъ надъ тобою;
Тебя не провожалъ каретъ блестящій рядъ;
Твой гробъ простой, съ безцвѣтною парчою
Подруги юныя задумчивой толпою
Несли землѣ, какъ матери, отдать.
Ты сирота была, ты рано такъ почила!
Но, говорять, была прекрасна ты....
И вотъ уже на бѣдную могилу
Подруги нѣжныя безмолвно и уныло
Бросаютъ свѣжіе цвѣты.

LXIX.

СТАРИННАЯ ПѢСНЯ.

Со кручинушки шатаясь,
Выйду въ сѣни постоять;
На перильца опираясь,
На крылечко подышать.
Съ милымъ другомъ я разсталась, —
Какъ же мнѣ не горевать?
У меня ль, у черноокой,
Зеленъ садикъ разцвѣталъ,
Вдоль по заводи широкой
Бѣлый лебедь мой гулялъ,
Въ свѣтлый теремъ — издалека,
Въ гости соколъ прилеталъ....
Теремъ тучка обложила,
Зеленъ садъ ужь не цвѣтетъ,
Пышно лебедь бѣлокрылый
Черезъ заводь не плыветъ, —
Для чего жь ко мнѣ мой милый —
Свѣтъ не жалуетъ, нейдетъ?

LXX.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

—

Жизнь — ненастный, мучительный день;
Смерть — ночная прохладная тѣнь:
Уже смерклось. Сонъ вѣжды смежилъ;
Я усталъ: меня день истомилъ.

*

Вотъ ужь ива стоитъ надо мной....
Тамъ запѣлъ соловей молодой, —
Звонко пѣлъ про любовь свою онъ.
Его пѣснямъ я внемлю сквозь сонъ.

———

LXXI.

КОРОЛЬ.

Изъ Гете.

—

Король былъ на островѣ Ѳулѣ;
По гробъ онъ былъ вѣренъ душой;
Ему, умирая,—подруга
Вручила бокалъ золотой.

*

Всей жизни бокалъ сталъ дороже!
Его, что ни разъ осушалъ:
Онъ жадно вонзалъ въ него очи
И жадно до дна выпивалъ.

*

Когда же почуялъ кончину,
Король города сосчиталъ,—
Все отдалъ наслѣднику царство,
Не отдалъ дареный бокалъ.

*

И сѣлъ онъ за пиръ, какъ бывало,
Съ нимъ рыцари сѣли кругомъ—
Въ высокомъ наслѣдственномъ залѣ,
Тамъ—въ замкѣ, на брегѣ морскомъ.

*

Вставалъ онъ тутъ, бражникъ старинный,
Послѣдній бокалъ осушалъ,—
И разомъ онъ въ волны бросаетъ
Святой, заповѣдный бокалъ!

*

И видѣлъ, какъ несся, сверкая,
Какъ въ бездну пошелъ онъ ключемъ.
Закрылись тогда его очи,—
Ни капли ужь не пилъ потомъ.

LXXII.

СТАНСЫ.

—

Опять предъ тобой я стою очарованъ,
На черныя кудри гляжу, —
Опять я тоской непонятной взволнованъ,
И жадныхъ очей не свожу.

*

Я думаю: ангелъ! какою цѣною
Куплю дорогую любовь?
Отдамъ ли я жизнь тебѣ съ жалкой борьбою,
Съ томленьемъ печальныхъ годовъ?

*

О нѣтъ! — но, святыней признавъ твою волю —
Я бъ смѣлъ объ одномъ лишь молить:
Ты жизнь мою, жизнь мою — горькую долю
Заставь меня — вновь полюбить!

———

LXXIII.

ПѢСНЯ ЛАУРЫ.

—

Не знаете ль, гдѣ милый,
Гдѣ другъ мой удалой —
Повѣса изъ Севиллы,
Съ курчавой головой?

*

Мой другъ — краса Мадрита,
Боецъ — всегда съ мечемъ,
Гидальгъ, плащомъ покрытый,
Съ гитарой подъ окномъ.

*

Когда-жъ раздастся топотъ
Серебряныхъ подковъ,
Твой громкій смѣхъ и шопотъ
И звукъ твоихъ шаговъ?

*

О! вѣрно гдѣ у донны....
О, вѣтренникъ Жуанъ!—
Какъ душно на балконѣ!
Какъ скучно бьетъ фонтанъ!

*

Не видѣли-ль вы бѣса?
Онъ другъ мой удалой,
Отъявленный повѣса
Съ курчавой головой.

LXXIV.

ПОДРАЖАНІЕ ВОСТОЧНОМУ.

—

«Отопри мнѣ, голубица!
Выйди, добрая моя!
Отопри, моя царица,
Совершенная моя.

*

Ужь ланиты молодыя
Упиталися росой,
И съ кудрей моихъ ночныя
Капли падаютъ струей.»

*

Я одежды ужь сложила;
Какъ же вновь я облекусь?
Братъ мой! ноги я умыла, —
Какъ я съ ложа подымусь?

*

Дверь для брата мной отверста....
То возлюбленный мой братъ!
Полны мирры мои персты,—
Съ ручекъ каплетъ ароматъ.

*

И, полна благоуханья,
Я подъ сѣнь его ввела,
И горя, въ его лобзанье
Вся душа моя прешла.

LXXV.

НОЧНОЙ ТОВАРИЩЪ.

—

Въ чистомъ полѣ,—что́ есть силы,
Скачетъ конь мой вороной.
Все кругомъ, какъ-бы въ могилѣ,
Полно мертвой тишиной.

*

Въ чистомъ полѣ, на просторѣ,
Мчусь я съ пѣснью удалой.
Кто-то, слышу, въ темномъ борѣ
Перекликнулся со мной....

*

Полночь било, въ темной дымкѣ
Полумѣсяцъ молодой.
Чую, кто-то невидимкой
Скачетъ объ руку со мной.

—

LXXVI.

СТАНСЫ КЪ СТАНКЕВИЧУ.

—

Мы сожгли безъ сожалѣнья
Юность гордую до тла;
А надежды и волненья
Буря жизни унесла.

*

Прихоть бѣшеная страсти,
Злость людей, мечты обманъ —
Не имѣютъ больше власти
Нанести намъ новыхъ ранъ.

*

И звучитъ еще отрадой
Только прошлое одно....
Счастья новаго не надо!
Жизнь извѣдана давно.

*

Мы походимъ на солдата,
Что вдали подъ тучей стрѣлъ,
Подъ скалою Арарата —
Пѣсню сѣвера запѣлъ.

LXXVII.

*
* *

—

Мечтой и сердцемъ охладѣлый,
Разставшись съ бурями страстей,
Для мукъ любви окаменѣлый,
Живу я тихо межъ людей.

*

Мои завѣтныя желанья
Ужь въ непробудномъ снѣ молчатъ,
Мои сердечныя преданья
Мнѣ чудной сказкой ужь звучатъ.

*

Но я живу еще: порою
Могу я чувствовать, страдать;
Надъ одинокой головою,
Хоть рѣдко — вѣетъ благодать.

*

Созданья генія — понынѣ —
И добродѣтели простой
Высокій подвигъ, какъ святыня,
Моею властвуетъ душой....

LXXVIII.

РОМАНСЪ.

—

Все безгласно, какъ въ пустынѣ,
Въ тихихъ улицахъ Москвы.

. . . .

. . . .

Ароматомъ и прохладой
Воздухъ ночи напоенъ;
Передъ стройною громадой,
Подъ гербомъ надъ колоннадой,
Для чего-жь открытъ балконъ?

*

Вотъ хозяйка молодая
Показалась при лунѣ,
Легкимъ призракомъ мелькая
На воздушной вышинѣ.

Вдругъ съ чугуннаго балкона
Черны кудри наклоня,
Какъ кумиръ Пигмаліона,
Вспыхнувъ страстно, безпокойно,
Внемлетъ топоту коня....

*

Предъ воздушной красотою
Стройный всадникъ проскакалъ,
«Завтра, въ полночь, я съ тобою!»
Слышу — внятно ей сказалъ.
И, какъ вихорь, за оградой
Невидимкой скрылся онъ.
Передъ стройною громадой,
Подъ гербомъ, надъ колоннадой —
Пустъ привѣшенный балконъ....

LXXIX.

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРІЯ.

—

Увы! столько лѣтъ пролетѣло!
Пора перестать намъ грустить;
Въ насъ сердце давно охладѣло,
Давно перестало любить.

*

Иная чреда ожидала:
Молили и мать и отецъ;
Ты долго имъ, знаю, внимала,—
И тихо пошла подъ вѣнецъ.

*

Любви не дала ты съ рукою;
Все было равно для тебя....
Что жъ? Можетъ, обычной чредою,
Я буду женатъ, не любя.

*

Сойдемся ль чрезъ долгія лѣта,
Въ поминѣ не будетъ любовь —
Въ пустынѣ ли, въ вихрѣ ли свѣта,
Съ тобою мы встрѣтимся вновь....

LXXX.

***

—

Свой вѣкъ я грустно доживаю,
Вы — только начали лишь жить.
Я ваши чувства понимаю,
Хоть не могу ихъ раздѣлить.

*

Увы! среди толпы ничтожной
Судьба на-зло сводила насъ;
Я предался неосторожно
Очарованью видѣть васъ.

*

Я бы не долженъ забываться,
Давно извѣдавъ самъ себя, —
Мгновеннымъ чувствомъ увлекаться
И возмутить васъ, не любя....

*

И мы страдаемъ, хоть и разно,
Но горе вмѣстѣ будемъ пить:
Вы — что любили такъ напрасно,
А я — что не могу любить.

LXXXI

ПОСЛАНІЕ ПЕНЕЛОПЫ КЪ УЛИССУ.

(Героида Овидія)

—

Нынѣ твоя Пенелопа, это тебѣ посылаетъ, Улиссъ!
Но ты не пиши мнѣ отвѣта. Самъ приходи.
Знаю, что Троя погибла, ненавистная дѣвамъ данайскимъ.
Будто ужь не было Трои, и не было вовсе Пріама.
О, если-бъ тогда, какъ изъ Спарты на флотѣ бѣжалъ онъ,
Въ ярыхъ волнахъ утонулъ — обольститель лукавый,
Я-бъ не роптала, что медленно дни такъ проходятъ, —
Мнѣ, что ищу обмануть эти долгія ночи,

Праздныхъ бы рукъ не томили навитыя кросны,
И когдажь не боялась я бѣдъ еще больших,
чѣмъ были?
Вѣдь любовь же заботы полна, хлопотливаго страха,
Все мнѣ Троянцы. казалось, злые тебя настигаютъ,
При имени Гектора вся блѣднѣю, бывало;
Если разскажутъ, что Гекторъ сразилъ Антилоха,
Антилохъ причинялъ ужь намъ страхъ несказанный;
Иль Менетіасъ погибъ отъ незримой засады, —
Плакала: хитрости ваши могли не удасться;
Кровью своей Триптолемъ раскалилъ ли ликійскую стрѣлу —
Съ смертью его томленье мое оживало;
Кто-бъ ни погибъ наконецъ у васъ — въ станѣ ахейскомъ, —
Вѣчно, какъ льдомъ, цѣпенѣло влюбленное сердце.
Но чистой любви поспѣшилъ онъ — Зевесъ правосудный:
Палъ Иліонъ навсегда отъ безстрашнаго мужа!
Вспять возвратились вожди, алтари закурились,
Отчимъ Богамъ отдана дорогая добыча.
Жены за милыхъ мужей несутъ благородныя жертвы, —

А они все про славу поютъ — побѣдители Трои!
Дивятся имъ строгіе старцы и пугливыя дѣвы дивятся;
Супруга, на вѣю повиснувъ, слушаетъ рѣчи супруга.
И иной же изъ нихъ на столѣ представляетъ свирѣпые бои,
Малою каплей вина цѣлый Пергамъ нарисуетъ:
Здѣсь протекалъ Симоисъ, тамъ стонало гикейское поле;
Здѣсь былъ высокій чертогъ злополучнаго старца Пріама,
Сюда — вотъ Аяксъ, сюда же Улиссъ устремлялся,
Здѣсь весь растерзанный Гекторъ пугалъ бурномчавшихся ко̀ней,
Все это нашему сыну родному (о тебѣ я спросить посылала)
Несторъ сказалъ престарѣлый, а послѣ дитя мнѣ сказало.
Сказало оно, ка̀къ зарѣзаны Резъ и Долона,
Какъ этотъ былъ сномъ, тотъ лукавой измѣной былъ преданъ.
Дерзнулъ ты, о! слишкомъ и слишкомъ своихъ позабывшій,
Ночью прокрасться коварно въ фригійскому стану.

И только вась двое, — отважные! стольких мужей умертвить.
Но то хорошо, что ты былъ осороженъ, что ты обо мнѣ прежде вспомнилъ, —
Даже ужасъ объялъ твою грудь, когда ты, побѣдитель, промчалъ,
Другомъ сказавшись врагамъ, — черезъ станъ ихъ коней исмаирскихъ (*)
Но что для меня, что мышцами сильныхъ разметанъ
Въ прахъ Иліонъ, — что поле теперь, гдѣ стѣна возвышалась,
Если я все остаюсь, какъ была, когда Троя стояла,
Если по-прежнему все милаго сердца не вижу?
Пусть его нѣтъ для другихъ, для меня же Пергамъ остается,
Гдѣ плѣннымъ воломъ уже пашетъ пришлецъ — побѣдитель, —
Ужь жатва, гдѣ Троя была: и ярко, роскошно
Земля зацвѣла, потучнѣвъ отъ фригійскія крови;
Полу-погребенныя кости мужей поражаетъ
Выгнутый плугъ; руины трава ужъ покрыла.
Тебя только нѣтъ, побѣдитель! — И узнать не могу я,

(*) Кони, которые, по волѣ боговъ должны были ввести въ Иліонъ машину, наполненную греческими воинами.

Зачѣмъ ты, жестокій, въ какой сторонѣ остаешься!
Кто къ симъ брегамъ не направитъ кормы чуже-дальной,
Отсель не уйдетъ, о тебѣ безъ многихъ и долгихъ распросовъ,
Ему, чтобъ вручилъ тебѣ (если онъ гдѣ повстрѣчаетъ),
Свитокъ всегда я отдамъ — тамъ знакомую руку увидишь.
Мы посылали ужь въ Пилосъ, въ землю нелейскую
Стараго Нестора; въ Пилосъ дошли лишь невѣрные слухи;
Мы посылали и въ Спарту, но правды и въ Спартѣ не знаютъ.
Въ какихъ ты странахъ поселился, о! гдѣ ты безжалостно медлишь?
Лучше-бъ стояли по-нынѣ Феба высокія стѣны!
Сержусь малодушная я, увы! на свои ужь обѣты.
Знала бы, гдѣ ты сражаешься, только бъ войны и боялась,
Съ многими жалобы тѣ же, долю одну бы дѣлила.
Чего я боюся — не знаю; однако всего же, всего я боюся,
Безумная! — Горю конца ужь не вижу....

Сколько на морѣ опасностей, сколько ихъ суша
скрываетъ,
Сколько причинъ все ищу я отсутсвію долгому
друга.
Подъ-часъ и безумно помыслю: какое у васъ
сладострастье,
И ты уже, можетъ, плѣненъ чужеземной лю-
бовью,
Можетъ быть, съ нею и рѣчи заводишь,
Какую ты дома простую покинулъ супругу:
Только что прясть она грубыя нити умѣетъ.
Пусть ошибаюсь, и грѣшное слово пусть вѣ-
теръ развѣетъ.
Уже-ли ты, вольный, въ развратѣ отсутство-
вать хочешь? —
Меня-жь съ одинокаго ложа сойдти принуждаетъ
Родитель Икарій, — бранитъ мою долгую вѣр-
ность;
Но пусть, что̀ угодно ему: я твоя и тоей я
должна называться:
Пенелопа — останусь я вѣчно супругой Улисса.
Онъ же стыдливой мольбой и святыней моей
сокрушается
И самъ свое сердце смиряетъ.
Дулійцы, Самосцы, и тѣ, что высокій Яцинтъ
посылаетъ,
Толпой сладострастной ко мнѣ женихи набѣ-
жали;

Ужь твоимъ завладѣли дворомъ, и никто удержать ихъ не можетъ.
Такъ вѣрное сердце мое, а богатсва улиссовы гибнутъ.
Чтó я тебѣ разскажу о Пизандрѣ свирѣпомъ Медонтѣ,
Эвримахѣ, о жадной душѣ Антиноя,
И о всѣхъ, что на стыдъ лишь себѣ ты питаешь
Чрезъ трудъ и чрезъ кровь добытымъ достояньемъ?
Иръ неимущій и жалкій Медантесъ — послѣдній изъ смертныхъ, —
Крайній намъ стыдъ и позоръ! — и они обижать тебя смѣютъ.
Трое насъ здѣсь беззащитныхъ: робкая сердцемъ супруга,
Да старецъ Лаэртъ, да нашъ Телемакъ — еще отрокъ.
Онъ же недавно едва не погибъ у меня черезъ козни,
Когда собрался было въ Пилосъ, нашимъ не немля совѣтамъ.
Но молю, да велятъ это боги, — по хóду судебъ неизмѣнныхъ —
Что-бъ сынъ нашъ, въ минуту кончины, и мнѣ и тебѣ закрылъ очи.

Но здѣсь — ни Лаэртъ, ко брани уже неспособный,
Царствомъ управить не можетъ, тѣснимый отъ злобныхъ сосѣдей
(Только-бы жилъ Телемакъ: онъ будетъ и храбрый защитникъ;
Хоть отроку нынѣ, ему нужна родителя помощь),
Ни я — отогнать не могу враговъ отъ нашего крова:
Ты возвратись къ намъ скорѣе, наша защита и пристань!
Есть — и молюсь, чтобы жилъ онъ! — сынъ у тебя; его въ нѣжныя лѣта,
Ты долженъ всему обучить, чтобы былъ достойнымъ героемъ,
Спѣши на Лаэрта взглянуть и на вѣки сомкнуть ему вѣжды:
Онъ послѣдній, судьбою назначенный срокъ доживаетъ;
И я, что ребенкомъ тебя проводила, — навѣрно,
Когда возвратишься домой, тебѣ покажусь ужь старушкой.

LXXXII.

ПОСЛѢДНЯЯ ЭЛЕГІЯ.

—

Увы! какъ лживый сонъ, судьба играетъ нами,
От рѣзвой юности до сѣней гробовыхъ;
Смѣется злобно жизнь надъ чувствомъ, надъ страстями,
Надъ клятвами безумцевъ молодыхъ.
Какъ я любилъ тогда! Въ разлукѣ безнадежной,
Съ минуты горестной, съ минуты роковой,
Когда въ послѣдній разъ блеснулъ мнѣ образъ нѣжный,
Какъ блѣдный духъ надъ урной гробовой, —
Въ разлукѣ горестной я съ ней не разлучался,
Въ домы тоскующей одну ее носилъ,
Съ другими дѣвами, чуть встрѣтясь, разставался:
Я никого съ тѣхъ поръ ужь не любилъ.

И всѣ до дна испилъ сомнѣнья и страданья —
Скиталецъ сумрачный въ краю чужомъ — вдали, —
И все казалося, что съ нею мнѣ свиданья
Не перенесть.... Но годы шли, да шли!
И встрѣтилъ я ее.... То было въ полдень ясный;
На праздникѣ весны прошла передо мной....
Опять увидѣлись! Она была прекрасна,
Но ужъ не та, и я ужь былъ другой.
Что̀ жь? Ничего въ тотъ мигъ во мнѣ не пробудилось;
Я въ сердцѣ — прошлаго слѣдовъ ужъ не сыскалъ,
Лишь думалъ, на нее смостря: «какъ измѣнилась!» —
Ты постарѣлъ!» — мнѣ взоръ ея сказалъ....

LXXXIII.

РОМАНСЪ ПЕЧОРИНА.

—

Какъ блудящая комета
Межъ свѣтилъ ничтожныхъ свѣта,
Проношуся я.
Ихъ блаженства не цѣнилъ я;
Что любилъ, все погубилъ я.
Знать такъ созданъ я.
Годы бурей пролетѣли.
Я не понялъ вѣрно цѣли,
И была ль она?
Ябъ желалъ успокоенья....
Сила сладкаго забвенья
Сердцу не дана.
Пусть же рокъ меня встрѣчаетъ,
Жизнь казнитъ иль обольщаетъ —
Все ужь мнѣ равно.
Будь то ядъ, или зараза,
Или бой въ скалахъ Кавказа, —
Я готовъ давно.

LXXXIV.

***

—

Стоятъ поликары кругомъ;
Заслушались рѣчи поэта;
Въ крови было платье на немъ,
За поясомъ два пистолета.

*

Израненъ и блѣденъ былъ онъ;
Но грозны орлиные взгляды;
Предъ нимъ зеленѣлъ Мараѳонъ,
Плескалося море Эллады.

*

«На брань, поликары! на брань!
При васъ ли мечи и пищали?
Братъ-Грекъ за отчизну возстань,
Какъ предки твои возставали!

*

Вѣдь это отчизна чудесъ:
Здѣсь слышались рѣчи Платона,
Здѣсь Фидіемъ созданъ Зевесъ,
Возникли столбы Парѳенона.

*

Не здѣсь ли, Эллада, твой сынъ
Развилъ необъятныя силы?
Безсмертенъ, друзья, Саламинъ!
Лишь въ Греціи есть Ѳермопилы!

*

Когда же постыдную дань
На вольныхъ орловъ налагали?
На брань, поликары, на брань!
При васъ ли мечи и пищали?»

*

— При насъ! поликары гремятъ:
Во имя Христа и Софіи!
За насъ векиканы стоятъ —
Друзья изъ далекой Россіи.

*

Ужь грозно ихъ блещутъ штыки
На брегѣ завѣтномъ Дуная!
Какъ тучи находятъ полки —
Спасителей бѣднаго края.

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ НЕИЗДАННЫЯ.

1.

М. П. Б.

—

Когда вы будете большія,
Въ тѣ дни не будетъ ужь меня;
Черезъ ворота роковыя,
Мой другъ, уйду далеко я.
О темномъ будущемъ гадая,
Увѣренъ только я въ одномъ:
Какъ я и книжка записная
При васъ не долго поживемъ.

———

2.

ПѢСНЯ.

—

Онъ быстрѣй, онъ отважнѣй нагорныхъ орловъ,
На немъ киверъ косматый кавказскихъ полковъ,
Онъ озлобленъ душой, онъ отчаянно смѣлъ,
Рано въ буряхъ и въ людяхъ мой другъ охла-
дѣлъ.
Его вѣрная пуля надъ жизнью вольна,
Его рѣчь безпощадной насмѣшки полна:
Но не знаете вы, какъ онъ нѣженъ порой,
Какъ любить онъ умѣетъ — шалунъ молодой,
Но не знаете вы, какъ онъ горько груститъ,
Какъ онъ гордыя слезы порою таитъ.

3.

—

Какъ звуки пѣсни погребальной,
Какъ въ темну бурю вихря вой,
Такъ безотрадна и печальна
Душа, убитая тоской.

***

Я не желаю обновленья
Погибшихъ радостей и грезъ,
Нѣтъ, я молю хоть на мгновенье
Одно отрадное забвенье,
Да капли двѣ бывалыхъ слезъ.

———

4.

СТОНЫ.

—

О! есть пронзительные стоны....
То крикъ страдающей души,
То вопль ужасный Дездемоны
Въ глухой полуночной тиши.

О! стоны тѣ—глубоки, безконечны!
Имъ внемлютъ небо и земля;
Они Тебя зовутъ, Тебя, о Вѣчный,
Податель грозный бытія!

5.

ОЖИДАНІЕ.

—

Встрѣчай, морякъ, въ равнинахъ океана
Съ отрадою веселый островокъ;
Вѣрь, мусульманъ, за книгою корана,
Что заповѣдалъ твой пророкъ:
Я—весь томленіе, я жду, какъ талисмана,
Еще вчера обѣщанныхъ мнѣ строкъ.

—

6.

***

—

Насъ съ тобой обручило несчастье,
Обвѣнчали насъ буйныя страсти,
Обмѣнялись восторгами мы,
Хоть безъ клятвъ, средь полуночной тьмы...

Отъ чего-же, скажи, другъ мой милый,
Съ той поры наши встрѣчи унылы?
Отъ чего-жъ мы такъ часто молчимъ,
И ни смѣху, ни слезъ не хотимъ!

———

7.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

—

О! приди ко мнѣ скорѣе,
Въ заповѣдный часъ,—
Здѣсь никто—въ густой аллеѣ
Не увидитъ насъ.
Полный робкаго желанья,
Средь ночной тиши,
Я несу тебѣ признанья,
Всю любовь души.
Съ милыхъ устъ я поцѣлуя
Жду лишь для себя,
Да сказать тебѣ хочу я,
Какъ люблю тебя!
О приди-же! Надъ закатомъ
Ужь звѣзда взошла,
И какъ дышитъ ароматомъ
Тихой ночи мгла.

О приди-жь ко мнѣ скорѣе,
Въ заповѣдный часъ, —
Здѣсь никто — въ густой аллеѣ
Не увидитъ насъ....

8.

***

—

Съ дарами Чаша предо мной сіяла,
А на глазахъ моихъ слеза дрожала;
И къ Чашѣ той смиренно приступалъ
Украшенный звѣздами генералъ,—
Шли набожно—и пышная графиня,
И въ рубищѣ одѣтая рабыня,
Калѣка нищій — чуть живой старикъ,
Богачъ купецъ и сильный временщикъ.

*

И Чаша та не даромъ же сіяла,
Слеза не даромъ на очахъ дрожала:
Всѣ были тутъ любовнѣй и дружнѣй,
И съ умиленьемъ я предъ чашей сей,
Прочелъ въ вельможѣ и въ рабѣ убогомъ,
Что братья мы, что всѣ равны предъ Богомъ.

———

9.

*
**

—

Не даромъ-же рѣзвыхъ подругъ,
Дитя, ты покинула кругъ,
Не даромъ-же—въ вечеръ глубокой—
Уходишь ты въ садъ одиноко,—
И тихо, шалунья, потомъ
Мелькнешь подъ завѣтнымъ окномъ....
Горятъ твои быстрые глазки,
Зовутъ твои робкія ласки....

*

О! скоро—мнѣ все говоритъ—
Невинный твой смѣхъ улетитъ,
Заплачутъ веселыя очи,
Настанутъ безсонныя ночи,—
Что жадно коварный порокъ
Убьетъ тебя, бѣдный цвѣтокъ!

———

10.

ЖЕНИХЪ.

—

Вотъ отъ невѣсты онъ примчался,
Ее покинувъ лишь на мигъ;
Съ разгульной жизнью онъ разстался,
И скоро свадьбѣ быть у нихъ.

*

И вотъ онъ веселъ и прекрасенъ,
И только грезитъ, что объ ней:
Какъ взоръ ея небесный ясенъ,
Какъ теменъ мракъ ея кудрей;

*

Какой Діаной молодою
Она проходитъ межъ подругъ.
Но вдругъ поникъ онъ головою,
И блѣденъ, смутенъ сталъ онъ вдругъ.

*

И такъ сидѣлъ, потупя очи,
На зовъ любви не полетѣлъ,
И цѣлый день до темной ночи
Промолвить слова не хотѣлъ.

*

Ужь не ревнивое-ль сомнѣнье
Успѣло радость омрачить,
Или блеснуло убѣжденье,
Что онъ не будетъ ужь любить?

*

Иль этотъ даръ завѣтной розы
Напомнилъ, можетъ быть, укоръ,
Разлуку давнюю и слезы,
Другой, когда-то милый взоръ?

КОНЕЦЪ.

ВАРІАНТЫ.

ВАРІАНТЫ.

—

*** Она бѣжитъ играющихъ подругъ.

Эта піеса напечатана въ Телескопѣ подъ заглавіемъ:

Къ *** съ слѣдующими варіантами:

Стих. 2. Она грустна

читаемъ въ Телескопѣ:

Ей грустно.

Стих. 9. Тоску сердечныя неволи

въ Телескопѣ:

Святой разсказъ младой неволи.

Стих. 17. Я знаю отъ чего подъ черными кудрями

въ Телескопѣ:

Онъ знаетъ отъ чего подъ темныни кудрями.

Стих. 19. Я знаю

въ Телескопѣ:

Онъ знаетъ.

Стих. 24. При шумномъ говорѣ собравшихся гостей

въ Телескопѣ:

При шумномъ говорѣ играющихъ гостей.

Стих. 25. Какъ вся страдала ты

въ Телескопѣ:

О какъ страдала ты.

После послѣдняго стиха въ Телескопѣ прибавлено четыре слѣдующихъ:

Онъ видѣлъ и молчалъ. Ревниво и мятежно
Въ душѣ его прошла жестокая борьба....
Но онъ — повѣрь! молилъ и пламенно и нѣжно,
Чтобъ все прекрасное дала тебѣ судьба.

САРА *).

Въ рукописной тетради: Еврейка Сара.

Стих. 29. Кто бъ подумалъ? Къ ней одинъ.

Въ рукописи читаемъ:

Правда ль это? Къ ней одинъ.

---

*) Эта піеса въ Б. для Чт. состоитъ изъ 58 стиховъ вмѣсто 56 Моск. Набл.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Выписка изъ Московскаго Наблюдателя 1839 года. Ч. II. № 3. Литературная хроника, стр. 46—7.

«По причинѣ стихотворнаго безплодія въ современной русской литературѣ, это отдѣленіе (стихотворенія) «Библіотеки» всегда было крайне слабо. Г. Тимоѳеевъ—всегдашній и неутомимый поставщикъ для этого отдѣленія—можно судить, каково оно! Вдругъ въ трехъ книжкахъ Б. для Ч. за нынѣшній годъ явилось одиннадцать прекрасныхъ, поэтическихъ стихотвореній. Это было загадкою для многихъ—только не для насъ. Авторъ этихъ прекрасныхъ стихотвореній г. Красовъ. У насъ была тетрадь его стиховъ (единственный экземпляръ), и мы были уполномочены поэтомъ, брать изъ нея, что намъ угодно. Вслѣдствіе этого, въ «Наблюдателѣ» еще за прошлый годъ помѣщено было нѣсколько стихотвореній г. Красова—остальныя до-

жидались своей очереди. Вдругъ редакція «Наблюдателя» потеряла эту тетрадь, единственный списокъ стихотвореній, писанныхъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Вѣроятно, тотъ, кому тетрадь попалась въ руки, переслалъ ее въ редакцію «Библіотеки», и мы очень рады, что прекрасныя стихотворенія любимаго и уважаемаго нами поэта, утраченныя для насъ, не утратились для публики. На тетради въ самомъ дѣлѣ не было выставлено имени автора, и потому въ I № «Библіотеки» «Элегія (1) и стихотвореніе, напечатанное кажется еще въ «Телескопѣ» за 1835 годъ «Сонъ» (2) (нигдѣ ненапечатанное стихотвореніе) и «Пѣсня» (3) (напечатанная въ I № «Наблюдателя» за прошлый годъ) явились съ именемъ Бернета. Въ XI № «Библіотеки» «Элегія» (4) и три пѣсни, (5, 6, 7), изъ которыхъ послѣдняя была напечатана въ V № «Наблюдателя», явились уже совсѣмъ безъ имени, съ примѣчаніемъ редакціи о полученіи тетради (8). Что же касается до трехъ стихотвореній (9, 10, 11), напечатанныхъ въ III № Б. для Ч. съ именемъ Красова, то они взяты не изъ тетради, а присланы въ редакцію этого журнала самимъ авторомъ, который, досадуя на долговременное непомѣщеніе своихъ стихотвореній, прислалъ ихъ къ намъ, вслѣдствіе чего прекрасная элегія — «Когда порой свободный

отъ трудовъ» помѣщена была еще въ X № «Наблюдателя» за прошлый годъ. Изъ примѣчанія редакціи «Библіотеки» въ III № видно, что тетрадь вся (12, 13, 14 и 15): жаль — значитъ часть ея утрачена, потому что мы помнимъ тамъ много прекрасныхъ стихотвореній, особенно одно, называющееся «Клара Моврай».

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Элегія «Я скученъ для людей, мнѣ скучно между ними».
2. Сонъ «Не знаю гдѣ, но помню живо». 3. Пѣсня «Не гляди поэту въ очи (Б. для Чт. 1839 г. № I) съ подписью Бернетъ.
4. Элегія — «Съ шумящимъ потокомъ, съ весенней волной».
5. Пѣсня «Пронесется ли буря мятежная». 6—О какъ сердце вдругъ запало. 7 Пѣсня — Прочь, прочь ни слова. 8 «Свиданье у фонтана» *) Тайно въ полночь у фонтана. Б. для Чт. 1839 г. № 2 (безъ подписи).

Кромѣ того въ Б. для Чт. 1839 г. напечатано въ № 9. Еврейка Сара «За рѣкою, за Десной». 10 Элегія — «Когда порой свободный отъ трудовъ» 11 Стансы къ Дездемонѣ «Зачѣмъ такъ поздно ты явилась» (съ подписью В. Красовъ).

Объ этихъ 11 стихотвореніяхъ говорится въ Моск. Наблюд. 1839 г. ч 2. Литературная хроника стр. 46. (Смотри приложеніе).

Потомъ Красовъ напечаталъ въ Б. для Чт. 1839 г. № 4.

12. Облако «Долу глухо, долу мрачно» и въ № 7.
13. Элегія «Спокойна все, лишь ярко на лазури».
14. Вечерняя звѣзда «Звѣздой любви тебя именовали».
15. Пажъ Генриха Втораго «Онъ умеръ внезапно» (Всѣ съ подписью В. Красовъ).

Этимъ ограничилось его сотрудничество въ Б. для Чт.

---

*) Въ настоящемъ изданіи: Панна.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Подстрочное примѣчаніе къ пьесѣ «Элегія» (стр. 59). (Съ шумящимъ потокомъ, съ весенней волной), помѣщенное въ Б. для. Чтенія. 1839. Т. 32. № 2. Отд. I. стр. 55.

«Редакція Б. для Ч. получила въ прошедшемъ году тетрадь прекрасныхъ стихотвореній безъ подписи. Удивительное сходство почерка съ весьма знакомою ей рукою г. Бернета не позволяло сомнѣваться, чтобы эти прелестныя піесы не были произведеніемъ его пера. Три изъ нихъ были напечатаны въ январской книжкѣ Б. для Ч. (*) и редакція выставила подъ этими стихотвореніями имя г. Бернета. Но г. Бернетъ торжественно отказывается отъ чести быть ихъ авторомъ. Тѣмъ лучше! Значитъ, мы имѣемъ на Руси однимъ превосходнымъ талантомъ больше. Жаль только, что не знаемъ, кого должны благодарить за удовольствіе, доставленное читате-

(*) См. Примѣчанія къ Приложенію I.

лямъ этого журнала, и намъ въ особенности. Неизвѣстный поэтъ, безъ сомнѣнія, не захочетъ долѣе скрывать своего имени, если это не противно его правиламъ. Для поощренія его къ этому, мы помѣщаемъ здѣсь остальныя пять піесъ тетради (**): «Элегію, три пѣсни и Свиданіе у фонтана» (***).

(**) См. Примѣчанія къ Приложенію I.

(***) Тамъ же.

ОПЕЧАТКИ:

	Напечатано:	*Читай:*
Стр. 34.	Слеза тяжеля	Слеза тяжелая
— 107.	Мы идемъ, я (въ курткѣ красной), —	Мы идемъ (я въ курткѣ красной)
— 147.	Мыпоходимъ	Мы походимъ
— 158	въ послѣднемъ стихѣ въ фригейскому станv	къ фригейскому стану
— 163	въ послѣднемъ стихѣ: эtарушкой	старушкой
— 165	на нее смострѝя	на нее смотря

13.03.1956 год

Кн. Мал. букинист. (Сретенка)

